

Вера ЛИНЬКОВА

г. Петрозаводск

Что бы ни случилось в жизни, знай, ты не один.

Где-то обязательно есть душа, жаждущая твоего сложного и непонятного мира.

Когда чувство беды становится невыносимым, не торопись покидать эту Землю! Остановись! Задумайся! Посмотри в небо и начинай писать письма в облака, как это делала Данка.

Она писала письма в облака и силой своей души спасала человеческие жизни.

Оказывается, Слово, идущее от благородного сердца, – великая целительная сила.

Здравствуй!

Как всегда, ЗДРАВСТВУЙ!

Знаешь, когда шаги на земле становятся все неслышной, начинаешь думать, куда послать последние ветры из души. Кому? Оглядываясь во все стороны сегодняшней памяти и вдруг понимаешь: некому. НЕКОМУ – это звучит как приговор...

Люди ушли в одну сторону, а я в другую...

Зиму унес воробей, а город остался белым...

Волшебник свечу не донес до ступеней замка...

Жабры свои листала в Млечном пути плывущая королева...

И было ей Землю потерянную не жалко...

Белая кровь безлюдной пустыни... Белый склон, с которого всё катятся и катятся чьи-то забытые детством разноцветные половинки мячиков...

Совсем забывшаяся, я пришла к Набокову и попросила:

– Посмотри под шкафом! Может быть, там остался еще хоть один закатившийся мячик?..

Он посмотрел и развёл руками:

– Все мячики из детства уже распроданы...

Тогда я пришла к Сент-Экзюпери и попросила:

– Поищи, не осталось ли что-то от планеты Маленького Принца? На твоём письменном столе... Или на месте твоего в пос-

ПИСЬМА В ОБЛАКА НЕЗНАКОМУ ЛЮБИМОМУ ЧЕЛОВЕКУ

КНИГА
ОСМЫСЛЕНИЯ
ЖИЗНИ

Повесть
для старшеклассников

ледный раз соприкоснувшегося с землей самолета... Не осталось?

— Нет, — ответил он горькими глазами. — Все, что оставалось, ОНИ вымели долларовой метлой... Даже звуки с той планетки... Даже тень от розы... Даже золотые шерстинки Лиса...

И я пришла к Ричарду Баху:

— Посмотри, нет ли на берегу твоего моря хотя бы перышка от чайки по имени Джонатан Левингстон?

— Сам ищи, — ответил понурый странник... — Всё теперь так: искать, не находя... Во всем океане, над которым летала моя чайка, не сохранилось ни одного ее перышка...

Запыхавшаяся и отчаявшаяся, я примчалась к Брэдбери:

— Дай глоток твоего вина из одуванчиков!

— Высохло, — был ответ...

— А как же «Передай добро по кругу!»... А как же?..

— И круг исчез... Некому передавать...

Совсем безумная, я пришла к Высоцкому:

— Где, где твоя птица До-до?

— На жерновах времени... А впрочем, ты напрасно мечешься. Вся разница между нами лишь в том, что я горел на ветру вселенского театра. Театра на поднебесной горе... А ты прогоняла неслышные огоньки по подземелью человеческих переходов...

— Что же мне делать? Куда направить последний порыв последнего ветра?

— В чашу мирскую, — ответил Пришвин. — Не пытайся ее искать. Я сам собирал эту чашу из осколков жизни. А когда собрал, она стала невидимой...

А на пути из огоньков и лилий

стоял мясник и обрубал протоки,
прожилки, краешки, кусочки жизни...

И мир сужался...

И воробей за холм далекий зиму сбросил...

Все путники, идущие ко мне,

в дороге заблудились...

Я подошла к шарманщику и покрутила ручку,
И музыка металла заплакала

и жалко заскрипела...

И вышли куклы напоследок покружиться...

И кто-то там сказал:

— Сломалась жизнь... —

И маленькая музыка погасла...

...Плыл по Нилу крокодил и знал, что мир

прост — открываешь пасть, хватаешь всё, что меньше тебя, и живешь...

А я была рыбкой-бананкой и не умела открывать пасть...

— Запомни меня! — попросила я невидимого человека из слюдяного ливня на слюдяной горе. — Просто запомни. Ничего, что никогда не видел, как я смеюсь, как дурачусь, как легко и просто со мной плавать в море и бежать по скалам, и ловить мой вздувающийся голубой сарафан с крохотными желтыми цветами...

— Я такой тебя и представлял, — сказал человек из слюдяного ливня. — Жаль, что мои глаза больше не видят...

— Запомни меня! — попросила я Волшебника с оплывающей свечой. В летнем городе кружился снег, и Волшебник стоял на площади с закрытыми глазами и держал в руках оплывающую свечу... А фонарный столб рядом смеялся. Он был прочнее всего прочего, этот фонарный столб...

— Не всем, кому дана жизнь, выпадает счастье жить, — ответил Волшебник. — Но ты искала Совершенства... Теперь ты знаешь, каково быть в нем...

Лестница. Гора кинула мне лестницу со сломанными перекладинами и вздохнула напоследок:

— Карбкайся в свое небо! Иногда это получается у людей без кожи... Зря ты не позаботилась о коже... У тебя было время, чтобы ее нарастить... Но ты не позаботилась... А твои кораблики склевали золотые зерна и выросли... И ушли в другой океан. Прощай!

До свиданья!

1. И ВЕРИТЬ РАДУГАМ СО ДНА ПРОПАСТИ!

— А что будет, если радуга упадет в пропасть? А сумеет ли она светить со дна пропасти?

Они стояли над обрывом. Алекс показывал в глубину темного прогала и допытывался у Данки:

— Ну неужели ты не видишь! Вон там! Есть радуги, которые горбатятся и ползут по дну пропасти. А есть такие радуги, которые и на

дне пропасти сияют и танцуют. Именно таким радугам надо верить!

— Получается, что, когда некому верить, надо верить радугам, дождям, заснеженным сугробам и подснежникам, птицам, ручьям, лесной колодинке, облакам!..

— Облакам — особенно! Это такая небесная почта. Отправишь по ней свои мысли и чувства — кто-нибудь обязательно их получит! Вот представь себе, сегодня мы случайно встретились, а завтра вдруг случайно потеряемся... Тогда я буду смотреть в облака и чувствовать все твои переживания.

— Если бы я сказала об этом в своём классе, меня бы тут же подняли на смех.

— Тебя там не понимают?

— Не принимают! И всё, чем я живу, как говорю, мыслю — вызывает у них лавину пустого смеха. Ни одна радуга не уживётся в пространстве моего класса...

— Тогда надо искать другое пространство! Такое, где ты будешь чувствовать понимание и свободу. Наверное, по отдельности каждый человек по-своему интересен. Просто, когда все вместе становятся пространством одного класса, они начинают жить по законам уже сложившегося мнения. Но не надо ходить в одежде чужого мнения! Вот сейчас ты вне пространства своего класса. Тебе легко?

И Данке показалось, что это не ветер раздувает её воздушное платье и вздымает над головой тигру травяных волос — это поток лёгкости, струящийся из её освобождённого сознания:

— Легко! И я превращаюсь в облако! Летим вон к той дворцовой раковине!..

... Где это всё? Так странно и непонятно помнялась реальность. Только картинка, выхваченная из памяти. И один пунктик: если они с Алексом потерялись, то надо писать письма в облака. Только так можно продолжить их разговор об удивительном и непознанном.

Машинально достала ноутбук из-под подушки. Ноутбук — это было единственным, что уцелело и от аварии, и от сгоревшего дома. Единственное, потому что его она всегда носила с собой в маленьком рюкзаке за спиной. С его помощью ей несложно было создать свою рассылку и написать первое письмо в облака.

Письмо 1

1 февраля 2001 г.

Здравствуй!

... Я не знаю, добрый вечер у тебя сейчас или доброе утро... У меня — ночь...

Я хожу по дворцу морской раковины. Знаешь, как странно ощущать отсутствие стен... Раковина внутри себя безгранична, но не пуста...

Там — морские фрески... Наверное, там, еще за долго до меня, побывали чьи-то краски чьей-то гениальной кисти...

Я хожу по этому внезапно расширенному пространству, и вдруг — случайная мысль: если в мире все не так буквально соизмеримо, значит, во дворец раковины мог войти сбежавший от мира Великан...

Ты веришь в то, что Великан существует? Ты веришь, что все соизмерения — относительны? Ты веришь, что любой человек может проникнуть во все и постичь душу ВСЕГО?..

Тогда попробуй войти в этот дворец морской раковины и скажи, какие мысли продиктовали тебе своды перламутровых стен?

...Но кто-то шепчет издалека. Шепчет колдовским заговорическим голосом. Мне:

Ступай осторожно, Босая жемчужина...

Мир о тебе еще так мало знает,

*Когда мураву перочинным клювом аист листает,
Когда стихает*

за садом слепой Левиафан,

обращенный в стрелку зеленой ящерицы...

Омут таращится,

Обращая себя в фонтан —

высую степень воды...

Дым

Под луной...

Ступай осторожно, Босая жемчужина,

И не спеши в руки мастера,

Влюбленного в долготу преждевременных бусин,

Который, как маленький, трусит,

узнавая твою иноземную связь

с ниткой для бусин...

Всего лишь.

...Ты когда-нибудь ощущал себя изнутри горы или волны?.. Или жемчужины... или крохотного парашюта одуванчика? Ты когда-нибудь боялся жить не собой?..

2. А СЛЕПЕЦ УВИДИТ ОДНАЖДЫ СВЕТ?

... За окнами больничной палаты гуляла мельница. А Данка представляла дворцовую раковину и заново переживала тот момент, когда её руки и руки Алекса одновременно потянулись к январскому подарку Голубой лагуны. Нет, они так и не познакомились по-настоящему и не наобщались досыта. Они должны были встретиться завтра. А завтра случилась авария...

... Данка всегда знала, что она не такая, как все. И это мешало ей жить. Какой-то огромный необъяснимый мир разрывал её изнутри. Мир был невысказанным и потому постоянно просился в свой скоростной тоннель. Ему словно хотелось открыться людям, но люди тоже были другими и не принимали ничего другого, кроме банальной обыденности. Но Данка всё равно спешила жить, спешила открывать душу, даже когда её не понимают и не принимают.

...Когда в полузабытьи она услышала разговор двух врачей о себе, то решила вообще больше не открывать глаза, не есть, не пить, а потом тихо исчезнуть из жизни совсем. В её полурасплывчатом видении врачи говорили: «Этой девочке осталось жить полгода. Дальше — полная неподвижность и необратимое разрушение мозга».

Но пока еще она могла рывками от стенки к стенке доходить до туалета. Неимоверная боль, будто к нижней части тела прикреплен стопудовый камень, и последние жилки на позвоночнике вот-вот порвутся... А для неё всякий раз было важно — рывками, по стенке — до туалета. Обрывчатое сознание, непонятное ощущение себя. Реальность — урывками. Может быть, действительно, стоит больше не бороться ни за свою жизнь, ни за своё странное сознание... Закрывать глаза...

Но глаза всё равно открылись, и через облепленную снегом яблоню в больничном саду, через стайку снегирей вдруг пошёл этот необъяснимый ток жизни. Наконец-то отправила то первое письмо, которое долгими днями бессознательного состояния складывалось в голове, и принялась за второе. Данка понимала, что её мечта почти нереальна. Один процент из тысячи. Но ведь если отправляешь свои мысли и чувства в пространство облаков, то где-то должно найтись отражение...

Письмо 2

2 февраля 2001 г.

Здравствуй!

...Ты грустно смотришь на снег. Сегодня все тихо в душе. Кто-то тянет за веревочку пустые следы. Куда ушли люди? Дерево хочет проснуться и не может: мешает корочка льда...

Вон там, на горе, посмотри, стоит человек с плакатиком «Я Вас жду»...

Ты читаешь и не веришь глазам: разве в этой жизни еще хоть кто-то хоть кого-то ждет? Разве еще хоть кто-то не потерялся в себе?..

...Синий апельсин катится с горы... Подхватываю его, кладу на ладонь:

— Почему ты не такой, как всегда?..

— Холодно... Замерз... Да и какое значение имеет цвет?..

Подпрыгнул и дальше побежал...

Так кто же подойдет к человеку на горе? Тень от облака... Виточек серпантина из некогда новогодних небес... Вальс барокко...

А ты идешь и навешиваешь на деревья амбарные замки. Каждое дерево — кусочек твоей замкнутой души, твоей пещеры из недосмотренного сна... Там кто-то пытался включить елочные огни, но понял, что это уже прошлое...

Смотри, на каждом перекрестке бродяги раздают март. Запах талости живет в плывущей полосе тумана. Тихо, сам по себе живет... И вот уже стоит лошадь в сиянии мартовского куста. Это кто-то на тебя смотрит, маскируясь под лошадь... Кто-то смотрит, не желая признавать собственного взгляда...

А ты говоришь:

— Не могу. Мешают амбарные замки...

А они вдруг ледышками отрываются от деревьев и не падают, а почему-то летят, превращаясь в пушистые астры — памятники зимы...

...Что ты ищешь в этом ожидании марта? Что ищешь, скажи мне, скажи! И уже не понять, ты ли даришь мне эти созвучья... Твоя ли лошадь в сиянии мартовского куста... Твои ли амбарные замки?..

Замкнутое твое существо

*На ложбинах распавшихся облаков и камней
Белой лошадью спит.*

*Все земные подобия — лишь светотень,
Ложь.*

Неужели осмелиться?

Неужели сойдеши

в мир,

Где провидения

Собирают сияния

с мартовского куста...

...Подожди! Кажется, это ты только что одиноко стоял с табличкой на горе «Я Вас жду»... Видишь, будущие поляны цветов куда-то идут... Не пропусти меня!..

Видишь, будущие птицы куда-то летят... Не пропусти меня!..

...Пирамидка дождя танцует на асфальте, тихо отчаливая к своим слюдяным горам... Окликни меня!

Что? Сиреневый шарф на сосульке? Глинозем звезд? Отчалившее ожиданье?.. Слепец ладонями гладит забор.

...Ты веришь, что слепец однажды увидит свет?

До свиданья!

И посмотри в облака...

3. А ЕСТЬ ЛИ У ЖИЗНИ ЗОЛОТОЙ КЛЮЧИК?

... Реальность снова приходила к ней крохотными обрывками. Еще не возникала мысль, где мама? Еще не наплывало чувство огорчения, что теперь она в больнице, а не в школе, и вряд ли когда-нибудь закончит свой одиннадцатый класс. В этот класс её всё равно не тянуло. Там всегда торжествовала зависть по отношению к ней. Зависть и неприятие. Одноклассники кичились друг перед другом своими нарядами, машинами, дачами, благополучными родителями. Данка не принимала участия в этих обсуждениях и потому для всех была посторонней. Она любила мир книг: «Маленький принц» Сент-Экзюпери, «Вино из одуванчиков» Рея Брэдбери, «Чаша Мирская» Пришвина, «Чайка по имени Джонатан Левингстон» Ричарда Баха, «Роза мира» Даниила Андреева. И еще ведическая, эзотерическая литература... А когда однажды учительница прочитала её сочинение перед классом на тему:

«Как я понимаю ценности жизни?» — то весь класс стал дружить против её мировоззрения и высмеивать её «эффемерные» ценности.

И надо же, за все 16 лет жизни она впервые встретила похожую душу. Случайная встреча вдали от всего привычного. Красивый мальчишка и она с разных сторон шли навстречу странному, возвышенному обозначению на песке — дворцовой раковине. Потом она узнала, что его зовут Алекс.

Когда Алекс посмотрел на дворцовую раковину и удивлённо выдохнул: «Какое беззащитное мироздание, а в нём живёт Маленькая Тень...» — тогда она почувствовала, что обрела богатство мира. Да, есть люди, которые умеют чувствовать необыкновенно, волшебным и тонко. И она наконец-то нашла одного из них. И если однажды нашла, то уже невозможно потеряться в едином энергетическом пространстве...

Нетерпеливо вошла в инет. Есть! Одно письмо! Кто-то уже откликнулся на её рассылку... Конечно, нелепо верить, но всё равно, за каждым новым письмом её будет ожидать надежда: «А вдруг это ОН?!»

Письмо было коротким и, конечно, не от Алекса, но и оно сумело приободрить уходящие силы:

Здравствуй, девочка!

За всей мудростью твоих мыслей я всё равно чувствую душу ребёнка. Но не об этом хочу тебе сказать. Просто хочу поблагодарить за то, что спасла мне жизнь. Перед тем как я решил покинуть этот свет и вколоть смертельную дозу сразу в три куба, вошёл в инет и наткнулся на твою рассылку. Человек на горе с табличкой «Я Вас жду!» вдруг дал мне почувствовать что-то иное. То ИНОЕ, которое прежде я никогда не ощущал. Мне до невозможности захотелось жить и добраться до этого человека на горе и встать рядом и поболтать рукою в облаках. Всё стало так легко, просто и красиво. Теперь я понимаю, что хочу и буду жить! Спасибо тебе!

Белый Гриф

...Лёгкая сосулька упала с карниза. Разлетаясь вдребезги где-то далеко внизу, она радостно крикнула: «Скоро март!» И Данка чуть улыбнулась сосульке, весне, письму... Бывает же так: всего лишь движение души, выражение чувств в никуда — и уже спасена чья-то жизнь! Интерес-

но, а сколько еще жизней можно успеть спасти, если твоего собственного существования хватит всего лишь на полгода?..

Она впервые обратила внимание на девушку, лежащую на соседней койке. Тяжело вздрагивающие ресницы. Лица рыжеющая поляна и волоскуистая кутерьма... И подумалось: «Странно, а есть ли у этой жизни заводной ключик?»

Девушка спала. А её, Данкино, сознание пока мерцало. И хотелось успеть еще что-то написать. Она не отдавала отчёта тому, что пишет. Просто доверилась подсознательному току мыслей, чувствуя себя в особом состоянии какого-то незнакомого человека, которого обязательно должна спасти. И для того человека был необходим особый строй чувств и свой контрастно-гармоничный ряд...

4. ЗАМОК ДУШИ НА ХОЛОДНОЙ ГОРЕ

Письмо 3

3 февраля 2001 г.

Здравствуй!

...Чьи-то тяжёлые слова. И словно небесная опухоль нависла над моим маленьким кусочком земли. Я еще раз убедилась, как многого не понимаю... Как не умею ждать розыгрышей и подвохов... Как не умею ассоциировать экран с человеком...

Видишь, по краю пропасти ходит маленький слоник. Он говорит:

— Я плохой, я мерзкий, я ненавижу мир... И еще я ненавижу того, другого слоника, своего брата, который утверждает, что любит мир и меня тоже, но это отбирает его силы...

— Разойдитесь ненадолго! — говорю случайно столкнувшимся слоникам.— Я побуду с тем из вас, кому хуже.

...Но они оба уже успели на меня обидеться. Тот, которому хуже, не написал мне сам, а разыграл ситуацию. Я не знала, о чем речь, и невольно обострила и без того больную душу... Невольно озлобила и оттолкнула. Но странно, ведь больше всего на свете меня притягивают больные души. И к тому, кто жаловался, у меня чувство сострадания. И к тому, на кого жаловался, любя и ненавидя, у меня тоже обостренное чувство сострадания. Даже большее... Мне всегда плохо, когда кому-то нехорошо.

...Маленькие слоники... Зачем они ходят по краю пропасти? Зачем решили так странно разыгрывать меня?.. Розыгрыши — это всегда неверный посыл. От неправды представления никому не становится легче...

Небесная опухоль. Хочется завернуться в ланкин и вылететь вверх. Но вылететь некуда: словно небеса отменили...

Мне плохо не оттого, что кто-то посчитал меня отвратительным человеком. Нет, плохо оттого, что по незнанию я не пролила свет в больную душу. Она замкнулась и отошла. Я не знаю, как ее вернуть. Я даже не знаю, как она выглядит... Теперь я чувствую себя виноватой за случайного человека, случайно отпущенного в никуда...

...Из мартовской почки краснотала ветер выдул сиреневое лицо с опухшими глазами. Замок души на холодной горе. Дай тебя открыть!.. Дай открыть! И ты поверишь, что слова, отпущенные в никуда, это не те слова, которые глаза говорят глазам...

5. И ТОГДА АЙСБЕРГ КУПИЛ ЗЕРКАЛО...

...Рыжеющая поляна внезапно открыла глаза. При взгляде на соседку с ноутбуком на животе рыжеющая поляна хлопнула глазами:

— А ты чего это делаешь?

— Письма в облака пишу... А ты что делаешь?

— Болею... — потом ладошкой по взмокшей подушке провела и неожиданно сказала:

— Меня Танча зовут, а тебя?

— Данка.

— Не тот ли горьковский, который своё горящее сердце в человеческие потёмки кинул?

— А ты и про это знаешь?

— Знаю, и что?

— Ничто. Просто, если ты это знаешь, значит, ты — редкая.

Танча приспустила ноги с кровати, нащупывая бульдожьих тапочек, и с трудом перебралась на край Данкиной кровати:

— А можно посмотреть, как выглядят письма в облака?

— Да, только у меня их еще очень мало. Рассылка в самом начале.

Танча долго и внимательно читала. Потом шепнула Данке удивлённо:

— Ты это сама придумала?..

— Сама. И что?

— Странно... Как сразу — результат. Отпустила душу на волю и сразу же Белого Грифа спасла... А я в такое уже не верила. Не верила с того момента, когда мы с мамой оказались на улице.

— Как на улице? Расскажи!

Танчу вдруг затрясло. Она кинулась к своей кровати, но не успела забраться. Голову в подушку. Коленки на полу. Плечи вздрагивают. Врачи:

— Сильное эмоциональное потрясение. Странно. У девочки вообще не было эмоций...

Погружают на кровать. Что-то колот. Ставят капельницу...

Письмо 4

4 февраля 2001 г.

Здравствуй!

Ты не помнишь этот вызванный к жизни мир Забвения?..

Когда... Когда перестаешь воспринимать реальность...

...Когда столько перегородок на пути живого общения... Ты смотришь на свой дом и понимаешь, что его нет. И еще понимаешь, что даже птицы не шутят своими гнездами...

...И тогда я незаметно сместила пространство...

...И тогда айсберг купил зеркало и повесил его над морем: ему было забавно смотреть, как туча срезает вершину...

...Не успеешь опустить руку в море, а она уже каменная... А на ней уже мидии давно живут...

...Какая-то обескураженная галка барахтается в воздухе. Она пытается научиться не бросаться своей бедой людям под ноги... Но иногда забывает и бросается. А носок ботинка всегда думает об одном и том же...

... не трогаю папоротники-рога у того оленя... Потому что они чужие...

...Маленькое лесное эхо бьется о стены скал... И все равно гаснет... Так гаснут голоса, задержавшиеся в пути. Никто не догадается, как мучительно для них запах хлеба из той избушки на скале...

И я пытаюсь научиться никого не доставать своим садом с обваливающегося берега... Так лучше. Так лучше... А почему слова этого мальчика такие странные?

«МИР — НИЧТО... !... ???... а всё-таки почему тогда вы... я... мы... и они? ... ДУРАЦКОЕ «ПОЧЕМУ» !!! Зачем сворачивать с дороги, которая ясно видна под светом фонарей обмана, на чуть заметную тропку, освещённую единственной звездой правды?

Кому это надо? Вам? Мне? Нам? Я видел много раз, что это не нужно взрослым, теперь я вижу, что это не нужно моим ровесникам, и я всё чаще задаю себе вопрос: а тебе это нужно? Интересно, а вам? А им?»

А КОМУ ЭТО НУЖНО???

Данка не заметила, как соединила строки своего письма еще с одним. Писал мальчишка, которому тоже было 16 лет. Мальчишка-айсберг, который тоже купил зеркало:

«Я поражён и обескуражен тем, что в ком-то еще живут мои мысли и чувства. Но по большому счёту кому это нужно? Кому интересно? ВАМ? МНЕ? ИМ?. А? КОМУ?

ЭТО НУЖНО? Но всё равно я хочу жить, всё равно я понял, что должен жить хотя бы потому, что есть еще человек, в котором есть БОЛЬШАЯ ЧАСТЬ МЕНЯ».

ФЕСД

6. НЕ БЕСКОНЕЧНЫЕ БАШНИ ИЛЛЮЗИЙ

Потом 3 дня Данке было так плохо, что она забыла и про все кричащие вопросы неизвестного Фесда, и про обморок бездомной Танчи. Мозг жил следами аварии. Машина, кувыркаясь, летит с горы. «Мама! Мама!» Где-то далеко Алекс тянет руки к раковине в голубой лагуне и говорит Данке: «Ты — Маленькая Тень этой дворцовой раковины. Я хочу спасти тебя. Хочу оживить. Моя жизнь невысказана без тебя. И поэтому тысячи строк к тебе, самых разных, — это тоже я. Душу заставляй работать для спасения! Во всех, кого спасёшь ты, буду я... »

Когда Танча очнулась, Данка сказала ей:

— Освободись от всего, что тебя давит, напиши в облака!

— Не могу, руки немеют, — прошуршала губами Танча. — Дай почитать, что у тебя в рассылке.

— Письмо от Фесда.

Она тут же прильнула к ноутбуку и стала читать о том, что думает и чувствует Фесд. Потом схватилась за голову:

— Данка, я не могу написать сама, но напиши ты. А я просто расскажу...

Я, правда, никогда не думала, что мысли и чувства можно излагать так. Во мне это всегда существовало и существует... Но я не знала, что можно таким языком говорить. Отправь ему в поддержку что-то очень хорошее. Пусть это будет и от меня!.. Только ничего не говори про меня сейчас. Просто ответь!

Как умеешь ты...

Фесду Данка ответила не через рассылку. Просто рассказала о Танче. И заснула с таким чувством, что скоро этот мальчик войдёт в их палату и в жизни Танчи всё изменится. В рассылку написала другое письмо:

Письмо 5

9 февраля 2001 г.

Здравствуй!

...И тогда ты заворачиваешь в метель свою кричащую душу и отпускаешь от себя... Где-то там, в стихии ветров, рвется ее голос... Но ты отворачиваешься от окна. Обезболенная опустошенность — все, что тебе остается... Тебе, освобожденному от своей кричащей души...

Может быть, мечта — это не высокие слова, не мысли, отпущенные в страну радуг, не бесконечные башни иллюзий... Может быть, это всего лишь желание нарастить кору. Кору на тонком слове горящего сознания...

...Годы бегут камнями в тебя... Годы издеваются, убивая, смеются... А кора не нарастает... А все — опять же напрямую к сердцу...

Я, МЫ, ОНИ... — идут по параллельным дорогам. Им неведомо соприкосновение... Загнанный в лузу шар — победа или поражение?

...И уже как бы нет понятия: КОМУ ЭТО НУЖНО? И уже как бы должно появиться одно важное правило — СЕБЕ! МНЕ ЭТО НУЖНО! МНЕ! МНЕ!

Люди, не похожие на ящеров. На динозавров. На грызунов. На монстров. На скорпионов и комаров. На безликий смог, когда — ушла метель...

Ты понимаешь, что все мироздание и весь смысл твоего перемещения в отпущенном веке — это нити человека рядом. Но и он среди тех, которые —

МЫ. Но и он — по параллельной дороге... Все идет и нечаянно выбрасывается в мир, где — ОНИ. И тоже остается ненайденным... Но и тебе тоже остается — послать письмо в облака. Такое необъяснимое счастье случайного блика на мертвых красках отвернувшейся к стене картине... Где:

*...Мой белый цветок открывается только
в полночь*

На перекрестке волны океанской,

Хребта кораллового и облака...

А в окончании странствий

Опять встанет дерево многоголовое...

Проснешься, очнешься,

На глубине выйдешь,

а дальше — лишь рыбой...

А дальше...

— Увидишь меня?

— Увижу!

А как же!

А как же...

7. МЕТЕЛЬ В ИНЕРЦИИ СОСТРАДАНИЯ

Отправив письмо, Данка счастливо улыбнулась. Хотя вряд ли можно улыбаться счастливо, когда понимаешь, как мало твоего времени осталось на Земле.

— Но ведь не всё измеряется только твоим временем! Ведь своё время можно продлить через свой заряд в других людях. — Данка не заметила, что размышляет вслух, и поэтому голос Танчи заставил её вздрогнуть от неожиданности:

— Ты хочешь закрутить инерцию сострадания?

— А как ты это вычислила?

— Легко. Просто моя мама тоже пыталась это делать на радио. У неё своя передача была для подростков с трудными судьбами.

— Расскажи!

— Долго рассказывать. Мама вела эту передачу 8 лет. Представить трудно, скольким людям её передача помогла выжить! Вот рассказала она о судьбе мальчика-бродяги, о его переживаниях, встречах с самыми разными людьми, о том, как он один боролся за своё существование в огромном чужом мире. Не пил, не курил, не воровал и был благодарен каждому, кто накормит. Сотни писем в ответ с желанием помочь Васеньке.

Или вот про девочку Аню, убегающую из своей деревни от отчима-насильника. В какие бы организации она ни обращалась с просьбой о защите, её обратно возвращали отчиму, потому что у него хорошие характеристики с работы были. И Ане снова приходилось терпеть насилие и снова убежать.

После маминой передачи со всех уголков страны письма шли. Люди рассказывали о своих семьях и просили позволить им приютить у себя Аню.

А у меня парня посадили на наркотики, чтобы легко было потом квартиру у нас отнимать...

Тут Танча снова застонала от боли. Дверь в палату распахнулась, и на свободную койку прямо с каталки переложили новенькую.

— Прошу тишины! Лидя после очень тяжёлой операции, — сказал врач, серьёзно посмотрев на Данку.

— А что-нибудь известно про мою маму? — с надеждой спросила Данка.

— Ещё не пришла в сознание...

Данка почувствовала, как от горячих слез начинают дрожать ресницы. Почему в мире всё так несправедливо?..

— Ну, Леонид Константинович!

— Учись ждать, девочка! И давай-ка готовься к перевязке!

— Танче плохо!

— Сестра, укол!

... Окно — единственная картина, открывающая мир. И в этой картине снова кружилась февральская метель. Она словно пыталась показать неуспокоенным людям, какого размаха должны быть круги для того, чтобы всё-таки закрутить эту неподдающуюся инерцию сострадания и любви.

8. ФЛАМИНГО ЛУНЫ

... Сначала захотелось посмотреть почту. Включила инет. Сразу два письма! Открыла первое.

... Наверное, ты не поверишь, но произошло маленькое чудо. У меня случился творческий кризис. Конечно, смешно говорить про творческий кризис в 26 лет. Но я вдруг разочаровался в музыке, которую пишу, в своих картинах и сказках. Решил, что в современном мире моё

творчество никому не нужно. А значит, всё не имеет смысла. Купил водки, тоника, коньяка. Поставил всё это на журнальный столик. Но прежде чем налить стакан, по привычке залез в комп и случайно набрёл на твою рассылку. Такой необычный строй мыслей, чувств, ощущений. Твой импульс передался мне. Я ударил по клавишам фоно — и родилась сказочная мелодия, которую я назвал «Фламинго Луны». Потом написал картину. Потом сочинилась вот эта сказка. Её я тоже назвал «Фламинго Луны».

... Однажды Луне захотелось, чтобы её разглядели поближе, и она опустилась на огромную земную поляну. Она хотела удивить людей и обрадовать. Но люди почему-то испугались большого яркого шара и разбежались в разные стороны.

В растерянности Луна закрутилась на одном месте, не зная, улетать ей с земной поляны или подождать...

Вдруг со стороны высокого кустарника она услышала голос:

— Скажи, Луна, тебя очень расстроило то, что люди, испугавшись твоей яркости, разбежались?

— Очень. Но почему моё появление не испугало тебя?

— Потому что я — розовый Фламинго. Меня здесь все любят. Если хочешь, чтобы тебя рассмотрели поближе и полюбили, я встану рядом.

— Хочу, — сказала Луна, — иначе зачем я прилетела на земную поляну...

— Хорошо, — сказал Фламинго и встал рядом с Луною.

Увидев любимого розового Фламинго рядом с жёлтым шаром Луны, люди перестали бояться, и им самим захотелось разглядеть Луну поближе. Они радовались, смеялись, водили хороводы вокруг Луны и Фламинго. А потом вместе с Фламинго пошли провожать Луну на самый высокий поднебесный холм...

... Так, благодаря твоему письму в облаках, родилась моя сказка. А могло бы всё выйти по-другому. Мне категорически нельзя пить... Спасибо тебе!

Фламинго Луны

...Импульс одного творческого человека, как правило, рождает следующий импульс. И совсем легко пошло её новое письмо в облака.

Письмо 6

11 февраля 2001 г.

*Здравствуй!**...Ты знаешь, внутри февральской метели всегда живет середина лета... Такая зеленоглазая... И так наивно живет...**...Пока ты способен идти — идешь, неся на себе ночь. Фламинго Луны — с правого плеча смотрит на толпу. Толпа ночи так же идет... Не рассеивается, не редет. С левого плеча — жаворонок сна. Он тоже смотрит в шагающую по асфальту толпу лун. Призраки чьих-то потерянных крыльев сами по себе шуршат над головой, создавая движение и звук... Улетевшие навсегда птицы оставляют ночам свои крылья. Об улетевших навсегда листьях не помнят деревья...**Ты спрашиваешь, видела ли я когда-нибудь обнаженные нервы пространства? Пила ли концентрированную боль мертворожденного утра — криком ворон по пути через старенький скверик?**А мне кажется, что ты не спрашиваешь, а утверждаешь, потому что в этот момент стоял где-то рядом и все видел... Видел, как я трогаю нервы обнаженного пространства... Видел, как бесконечно пью боль мертворожденного утра... А по старенькому скверу шли гигантские вороны с «мальборой» в клювах... Каштаны сквера колотились об асфальт... Шампиньоны сквера бежали на твой голод... Торжествовал фонтан, облепленный нищими и бомжами... Ты видел. Но где же тогда ты стоял?.. За каким деревом? За какой весной?..**Лесной, оговоренный,
За просто так
В чужие травы плакать не ложись!
Не прикасайся к отблеску жука!
Пусть оголение — смерть!
Пусть оголение — жизнь!..**Лесной, оговоренный, Див!
Неизъяснимостью горбатится спина,
С поляной борода перепелась...
И ты не можешь встать, не повредив
Зеленых оперений в огоньках роста...**Лесной, оговоренный,
Косачи
Трубят у каждого корявого ствола,**Что Див жесток и зол...**А ты на кончике молчания повис...**Душа от всех непониманий гаснет...**...Тебя не понимают — не отчаивайся! Просто подожди, когда придёт твой Фламинго Луны.
До свидания!*

Письмо от Фесда было коротким, но очень нужным. Данка представляла, как обрадуется Танча, когда проснётся. Фесд написал, что тронут её историей и готов помочь создать сайт, потому как эта тема сейчас очень актуальна.

Данка спокойно уходила в сон. По потолочю палаты гуляла Луна в обнимку с розовым Фламинго, и запах больничной хлорки накрывало облако травяного тумана. На опрокинутом дереве сидел Алекс.

— Ты всё правильно делаешь, — говорил он, сжимая Данкины ладони. — Я получил твои письма из облаков. Правильно делаешь, что не называешь моего имени. Пусть каждый из тысяч твоих подписчиков думает, что это письмо — лично ЕМУ. Жизнь прекрасна, когда в ней есть что терять... Терять, обретая. Обретая, терять...

9. А КАК ЖЕ РОЛЬ РЫЖЕЙ КАПУСТЫ?

— Данка, есть что-нибудь от Фесда? — услышала она сквозь сон.

— Есть, Танча, есть, — ответила так же сквозь сон. Тряхнула головой. Надо бы умыться... Но как трудно представить себе опять эти броски по стенам до туалета. Может, не умываться пока?.. Нет, надо!

— Что есть от Фесда?

— Подожди, умоюсь и всё расскажу.

— Эх, долго ждать придётся... — потягиваясь, вздохнула Танча, потом посмотрела на некогда пустующую койку:

— У нас что, новенькая?

— Новенькая, Лида зовут. После тяжёлой операции. Больше пока ничего не знаю, — накинув на шею полотенце, сказала Данка и сделала первый утренний бросок к спинке соседней кровати.

Когда она вернулась, Лида уже открыла глаза:

— Ой, девочки, не представляю, как мой класс

без меня! У нас «капустник» скоро, а у меня главная роль рыжей капусты... И надо ж было с горы на лыжах в сосну врезаться... Вот и густо-пусто, выползла из бочки рыжая капуста...

Выпала и снова закрыла глаза... Всё-таки после тяжёлой операции...

— Жизнерадостная соседка у нас, хорошо... — заметила Танча. — Но я к своим баранам. Что там Фесд написал?

— Читай!

Танча читала, а по лицу, словно солнечная гусеница, ползала улыбка. Потом улыбка куда-то упала:

— Сайт? Об этом?

— А что такого? — недоумевала Данка.

— Сама не знаешь! Нельзя в интернет про всё, что случилось со мной и с мамой! Интернет — это же и порно, и насилие, и всякие дурацкие игры...

— Стоп! Интернет — это и мои «Письма в облака», это и всемирная библиотека, и поэтические сайты... Понимаешь, интернет — это только проводник. И что ты лично проведёшь в мир — душу или смрад — это дело твоей совести... Главное, что можно быть услышанным...

— А потом тебя растопчут за откровение...

— Ты же не обязана называть своё имя, имя своей мамы, оставлять свой конкретный адрес.

— Так адреса у нас с мамой теперь и нет. Мы же бездомные...

— А кто и как делали вас бездомными, разве это не урок для многих других людей?

— Ну, позовите же моих одноклассников! — вдруг снова очнулась Лида. — Я расскажу им, как быть с ролью рыжей капусты!

И опять отрубилась...

А дальше, как всегда, режимные процедуры, обед, полуденный сон...

Средь тихого посапывания соседок Данка запустила в работу свой тихо поскрипывающий ноутбук.

Сначала послание Фесду.

«Фесд, Танча боится. Может, ты найдёшь слова, чтобы её убедить?!»

А следом — новое письмо в облака.

10. ГДЕ ГРАНИЦА МЕЖДУ КРЫСАМИ И ЖУРАВЛЯМИ?

Письмо 7

14 февраля 2001 г.

Здравствуй!

Иногда понятие ЕСТЬ ЧТО ТЕРЯТЬ — оказывается бесконечным. Полжизни искать, чем себя наполнить, а потом оставшиеся полжизни радоваться тому, что можно еще терять и терять ...

Заглянуть за грань жизни — недостаточно. ТАМ надо долго и уверенно жить, чтобы ЗДЕСЬ уже ни одна частичка тебя не была принята...

Ты говоришь, что мы исследуем Мир незримо. Скорее, не исследуем, а проникаем... Скорее, ищем туда путь. Путь в углубление. В самые глубины высоты...

Ничего одинакового нет. Но есть необъятная граница между крысами и журавлями... Похожесть лишь в принадлежности к той или иной категории. Мы разные... Потому что каждая частичка упавшего луча — разная...

Уходит февральский снег. На минутку все кончается с этим снегом сейчас. В другую минутку все начинается с этим снегом сейчас... Ты вбираешь в себя мир, вопреки сжимающимся сосудам...

Выходя из дома, натягиваешь прогулочное лицо. Каменная ткань особенно защищает. В твоих подснежниках «старатели» не станут искать доброго лоха. Когда несешь людям открытую улыбку, не задумываешься, какой случай на ней повиснет... Какой потом раздавит и сотрет...

Но хочется, всегда хочется не знать. И верить радугам со дна пропасти. И верить пчеле у цветка над обрывом... Всегда верить и не знать...

До свидания!

— Ты всё правильно поняла, — сказал ей из сна Алекс.

На песчаной косе лагуны он строил свою крепость вокруг дворцовой раковины. Он был так увлечён своей работой, что не заметил, как пошёл дождь, а потом прогремел гром. А потом венец радуги украсил небо. А потом вдруг радуга сузилась до крохотной полоски и упала к подножью дворцовой раковины — просто жить.

— Ты правда считаешь, что лучше — верить и не знать?

- Да, — тихо сказал он.
 — Ты правда согласен, что понятие «ЕСТЬ ЧТО ТЕРЯТЬ» — бесконечное?
 — Да, — тихо сказал он. И его грустный голос был похож на замерзающие дождинки.
 — А ты не знаешь, где пролегает граница между крысами и журавлями?
 — Не знаю, — ответил он. — Эта граница слишком расплывчата...

11. А ФОКУСНИК ВСЁ ЖОНГЛИРУЕТ ЛИВНЕМ...

Письмо 8

16 февраля 2001 г.

Здравствуй!

...Представляешь, фокусник на площади жонглирует ливнем. А ливень искусственный... Капли превращаются в стеклянные шары и катятся по асфальту... Поток стеклянных шаров под ногами... И люди не могут идти...

...А я ждала тебя и совсем забыла, что невозможно идти по стеклянным шарам. Люди подскользываются и начинают плыть по асфальту. И ты тоже где-то на той дороге, вытекающей с той площади... Где-то... Плынешь по стеклянным шарам... Разгребашь руками звон...

...Дома превратились в хрустальные вазы, сахарницы, солонки. Целые улицы хрустальных ваз! И я не знаю, как теперь выглядит мой дом?..

...Горностаи на ковре среди улицы. Плывет по бегущим шарикам ливня. В хрустальных домах-вазах — окна! И там — пчелы! И значит, теперь прямо по прозрачным стенам будет стекать мед...

...Наверно, что-то происходит с природой людей. Я говорю: «Да где же вы, люди? Да появиться хоть кто-нибудь на моем пороге!» А меня как бы не слышат... Ты случайно не знаешь, может быть, на земле произошло стихийное бедствие и все люди превратились в буквы на экране? А человека из букв никак не взять за руку, не засмеяться, не пойти по ручьям, закутываясь в накидку зеленого ветра.

Я хочу живого мира! Но в живом... в живом... Где хоть кто-нибудь в этом живом мире?!

...Трудится пчелка над цветами, а все цветы искусственные...

...Жизнь похожа на повозку с дивными розами, игрушечными домиками, множеством старинных часов, шляпок, ленточек, улыбок... И крохотная дудочка выбрасывает свою музыку в этот безмятежный смех проезжающих мимо счастливых людей... Радужная повозка — за горкой, за лесом, за облаками... Далеко... Наверно, мне уже никогда ее не догнать... И никто из этой повозки не протянет мне свою крепкую загорелую руку... Не увезет в счастливое веселое сообщество людей...

...А фокусник все жонглирует ливнем, изменяя мир... Все жонглирует... И я начинаю понимать, что та хрустальная ваза на перекрестке двух улиц — и есть твой дом... А мой? Есть ли он вообще?..

До свидания!

— Данка, а почему ты ничего не рассказываешь про свой дом? — очнулась от полуденного сна Танча.

— Потому что моего дома больше нет.

— Вас тоже обманули с квартирным разменом?

— Нет. Мой перепивший отчим спалил наш дом вместе с собою. А еще спалил все мамыны картины. Вместе с домом ушло всё, чем мы жили. Чтобы отойти от шока, мы с мамой сели в машину и поехали на море. Решили, что все вопросы будем решать потом. А само ПОТОМ ушло в далёкое далёко.

ПОТОМ превратилось в аварию... Мама в какой-то другой больнице. Без сознания. Я — здесь. А к тебе почему не приходит мама?

— Так она же в ночлежке. Это тоже далеко. А детей в ночлежку не берут. Только взрослых... Вот мы и порознь. Я сама хочу, чтобы мама подольше не знала, где я сейчас и что со мной. Только расстроится, оттого что помочь не сможет. Пусть думает, что я у своих хороших знакомых...

— А что на самом деле с тобой произошло?

— С наркотиками подставили... Я из окна выпрыгнула... Ладно, потом как-нибудь расскажу... Смотри, Лида проснулась!

«А фокусник всё жонглирует ливнем», — тихо произнесла Данка, глядя в расплывающиеся глаза соседки по койке.

— Ты о чём? — переспросила Танча.

— Так, ни о чём. Смотрю, как Лида проснулась...

12. ЛИЦО С ХРУСТАЛЬНЫМ ЗВОНЧОМ

Окончательно открыв глаза, Лида пригласила свою черную, как крыло воронёнка, в разные стороны торчащую стрижку. Хотела повернуть голову, но мешал гипсовый воротник. Она дотронулась до него кончиком указательного пальца, и от хрустального голоска показалось, что всё лицо её звенит. Такое вот лицо с хрустальным звоночком:

— Девочки! Я ещё здесь? Или уже там? Если я в раю, то почему в раю так больно? И почему шея не вертится?

— А в раю вообще шеями не вертят! — в тон ей ответила Танча. — В раю только крыльями хлопают...

— А у меня уже есть крылья? — чуть испуганно прозвенел звоночек.

— Нет. Еще не выросли, — развела руками Танча и охнула. Видимо, слишком резко руками развела, пытаясь поудобнее сесть. Сесть совсем не получилось. Пришлось, как обычно, провалиться головой в подушку. — Надо же, — пробормотала она чуть испуганно в сторону Данки, — вчера могла до твоего ноутбука добраться, а сегодня присесть нормально не получилось.

— Просто вчера перетрудилась, — попыталась успокоить её Данка. — Лежи тихо, чтобы нервные окончания успокоились!

— А почему нервные окончания успокоиться должны? А где? — опять прозвенел Лидусин голосок.

— Да там, под лопатками, где крылья наращивать будут, — сквозь болезненную гримасу выпустила улыбку Танча.

— Ну, девчонки! Ну, вы, это, правда? Или шутите?

— Какие тут шутки! — как можно серьезнее сказала Танча. — В раю без крыльев никак. Вон Данка с утра до туалета еле допрыгала. А были б крылья готовы — так на крыльях умыться слетать — одно удовольствие!

— Да ну вас! Что я теперь своему 9-му «А» скажу?

— Скажи, чтоб сосну, с которой ты столкнулась, спилили! — совсем тихо сказала Танча.

— Нет, сосну нельзя! — так же тихо прозвенел звоночек. — Сосна не виновата, что я на неё наехала...

— Лида Звонцова! — строго сказала медсестра, вкатывая в палату тележку с лекарствами, — вам нельзя пока разговаривать!

— Совсем? — переспросила Танча.

— Совсем!

...Думая о Танче и Лидусе, Данка вспомнила про Фламинго Луны. Наверняка ему обязательно надо для кого-то писать сказки. Стоит рассказать про сложную и в то же время детскую душу Танечки и про Лидусю, жаждущую сказок... Наверно, он обязательно вызовется писать маленькие сказки на каждый день...

Белому Грифу тоже сообщила про Таню Полянскую, про сходство их проблем и будущей сайт на эту осторожную тему.

Фесду написала, что Таня согласна рассказывать свою историю на сайте. Пусть пока подготавливает почву и ждет начала истории.

А в рассылку отправила, как всегда, просто состояние души.

Письмо 9

17 февраля 2001 г.

Здравствуй!

Ты сказал, что боишься открытости. Ты удивился, почему я её не боюсь...

...Не поверишь, но у Открытости есть свое лицо с хрустальным звоночком... Кто-то взглянет — улыбнется. Кто-то не поверит, что за Открытостью есть другое лицо — Глубина. ...Вот и страшно какому-нибудь осторожному мизинцу дотронуться до звоночка... Поглядит опасно. Отойдет.

А ты не задумывался, почему так открыто танцует озерцо среди леса?

А почему поляна так светло открыта глазам?..

Да-да, мне тоже хочется говорить о другом. О той хрусткой веточке... О бабочке с деревянными крыльями, которая хлопается в душе... Но ветер прибывает к губам случайный лепесток и так, с волнением: «Ти-ш-ше!»...

И я отворачиваюсь от глухого забора, который плотной стеной вокруг меня. Я куда-то отворачиваюсь...

А ты всегда даешь волю своим вулканам и тучам пепла потом?..

...А знаешь, в параллельном мире завелась странная рыбина... У неё вместо плавников —

айсберги... У неё в глазах — феерические туманы. Она надвигается на встреченных по течению и спрашивает:

— А ты умеешь обретать иную форму СЕБЯ?..

А тех, кого она давно не видела, останавливает и спрашивает:

— Теми ли глазами ты видел встреченное? Рубин на перекрестке пустынных ветров легко принять за верблюжью колючку... Но трудно найти минутку, чтобы спросить себя: «А не ошибся ли я в этой стихийной лёгкости? Не ошибся ли, желая так просто отвернуться?»

...Странная рыбина. Зачем ей всё это надо знать? Как ты думаешь?..

...Сегодня утро без писем. И вот я играю в твои игрушки. Маленький бриллиант можно увеличить и даже сделать очень большим. Скорей всего, это не бриллиант, а жемчужина из створок дворцовой раковины. Это хорошо, когда нет сигарет, кофе, молчит телефон... Тогда можно бежать по граням бриллианта, алмаза, просто жемчужинки... От черного — к расплывающимся округлостям и стирающимся граням...

...Маленький кувшин с растущим огоньком можно увеличивать, пока пламя не полыхнет в лицо... А округлый бок кувшина не превратится в глиняную планету...

В квадрате можно вылавливать разноцветные квадратики, увеличивая и уменьшая ожиданье... Три самые интересные игрушки.

И мне тоже захотелось легкости. И игрушечной лопаткой я выкопала из памяти ... просто строчки из своих мечтательных времен:

Все проникает до костей,

Все проникает.

И к ожиданию гостей

Мы привыкаем.

Пусть ветер с моря,

Пусть трава

В сырой лощине...

А мы накроем два стола

Под ливнем синим.

И будем ждать таких чудес,

Что Бог их знает!

Таких простых,

К каким не привыкают...

Такие вот у меня сегодня игрушки...

До свиданья! Пиши и не думай, что твои строчки могут оказаться лишними.

13. МОСТЫ СВОБОДНОГО ПОЛЕТА

...Первым откликнулся Фламинго Луны. Он был несказанно рад, что в каком-то городе, в больничной палате есть девочка, которой нужны его сказки: «Если мои сказки помогут ей поскорее поправиться, я буду писать для неё каждый день!»

КОРОЛЕВА ШЛА ПЕРЕСЕЛЯТЬСЯ...

...Королева шла переселяться. Она шла берегом озера и несла в руках горшочек с кактусом. Она шла и повторяла:

— Жизнь на старом месте — это ОДНО. На новом — совсем ИНОЕ.

Если брать с собой какие-то вещи — это значит на НОВОЕ место переносить СТАРОЕ...

Выглянув из тины, случайный озерный прохожий Водяной вдруг воскликнул:

— Так у Королевы-то платье рыжее! Отнюдь не королевский цвет.

— Глупости, — отмахнулась Королева, поставив пяточку на ноготь Водяного. — Через рыжий цвет — вход в подсолнухи. В Подсолнечное царство. Ты любишь жареные семечки? Так вот там они и растут...

— Ага! — сделал открытие Водяной. — У королевского платья жареный цвет!

— Оно всегда так: если не ОДНО, так ИНОЕ, — сказала Королева, вместо пяточки поставив на ноготь Водяного горшочек с переселяющимся кактусом.

— Простите, — поклонился Королеве приозерный Подсолнух, — это Вы к нам переселяетесь?

— Да, иду жить в подсолнухи! — гордо потрянула кудряшками Королева. — Потому что моё королевство на горе — это ОДНО, а Подсолнечное царство — совсем ИНОЕ. Просто моему любимому Кактусу захотелось пожить в подсолнухах. Вот и пришлось переселяться...

...Ая сидел за ромашковой кочкой и чертил палочкой отметины на песке:

1. Через рыжий цвет — вход в Подсолнечное царство. Это ОДНО.

2. *Наскучившее королевство на горе. Это ИНОЕ.*

1. *Озерный прохожий Водяной. Это ОДНО.*

2. *Поклонившийся Королеве Подсолнух. Это ИНОЕ.*

1. *Если на НОВОЕ место переселяться со всем СТАРЫМ, то НОВОЕ ничем не будет отличаться от СТАРОГО. Тогда зачем переселяться? Это ОДНО.*

2. *Маленькому Кактусу в горшочке захотелось пожить в подсолнухах. И тогда Королева пошла переселяться. Это ИНОЕ.*

...Так я чертил палочкой свои заметины на песке. И скоро оказалось, что вокруг ромашковой кочки появился такой лучистый воротник в складочках: ОДНО + ИНОЕ. ОДНО + ИНОЕ. ОДНО...

А что всё-таки важнее — так и не понял...

Спасибо тебе, Данка!

Следующим было письмо от Белого Грифа:

«Тема наркотиков очень деликатная. Подходить к созданию сайта на такую тему надо очень осторожно. Но если здесь не будет примитива привычной трескотни, то, я думаю, такой сайт поможет и мне, и тысячам других, зачерпнувших кусочек чёрной бездны. Верю в вас и обязательно приму участие!»

Фесд написал:

«Для сайта почти всё готово. Назовём его: ЧИС-ТОТА НЕБЕС! Пусть будет живая книга в Интернете! Давай вступительные слова, а завтра желательно уже получить начало истории и поставить. Дерзайте, девочки!»

И еще письмо от кого-то:

«...Знаешь, я так долго был в депрессии. Бросил учёбу, работу. А рецепт от депрессии, не поверишь, нашёл в твоей рассылке. Игрушечной лопаткой стал выкапывать из памяти всё лучшее из своих мечтательных времён. И этого лучшего оказалось так много, что оно перевесило всю тяжесть сгустившейся темноты... Пошёл чистить снег у дома. И так легко стало дышать. Будто свежесть белого снега вошла в душу. Спасибо тебе!»

Грустный Волшебник

И было еще одно письмо, которое больно ударило по сердцу, но Данка постаралась его

тут же выкинуть из головы. Только из «бата» не успела выкинуть: просто чужое глупое зло хотелось скорее перебороть светлыми чувствами...

Письмо 10

19 февраля 2001 г.

Здравствуй!

...И в самом себе можно что-то найти. Снег — столовое серебро сна... Я знаю, твой сон — снег. Но ты не мог не заметить солнечную карусель. Фарфоровые слоники, стеклянные олени, лошадики и бегемотики сбрасывают твои черные мысли за КРАЙ. Край чего-нибудь. Чего-нибудь — не от мира сего. Оставь мысли о том мрачном человеке! Пойдем по воздушным мостам!

...Ты не мог не заметить эти перекинутые через два края неба перильца... И через два других края... И еще мосты свободного полета... Смотри... Они висят в воздухе, они зевают облаками... они выдыхают ночь...

— Ты умеешь сквозь крик находить в себе силу шепота? Сны боятся крика, и поэтому мосты даже в паденье стараются не кричать...

Перламутром поветрий подернуты губы, Эстафи...

Из малиновых трещин

Шепот выращивает

Минусы тонких цветов.

Громче шепот — и заостренней цветы.

Эстафи,

Сон рождает беззвучье,

Литаврами розовых пчел

Дыханию путь расчищен...

Тише, Эстафи!

Сном своим вырастишь сад неподъемный,

И множество беспризорных мостов

Сбегутся к нему цветам немому послушать,

Чтобы потом, как уши, развесив перильца,

Гибко бежать в голубиные ворохи неба...

Не замечая свои кучевые дороги...

Смежно качаясь отдельностью...

Перегибаясь на белую взвесь облаков.

Это только половина сна... Половиночка, чтобы вторую тебе захотелось досмотреть завтра.

Когда в мир приходят светлые люди, мир начинает тихонечко звенеть. И у каждого предмета рождается своя музыка. Музыка — внут-

ри глупенького ваньки-встаньки, случайно сох-раненного временем. Музыка — по контурам старинных бабушкиных бус... И тогда я вижу, как скала у края лесной дороги направляет свои зеркала в небо. И в каждом отражаешься ТЫ — мой незнакомый, мой любимый человек, которому так много хочется сказать.

До свидания!

14. СЖИГАЮ СТАРЫЕ КАЛЕНДАРИ

...Сначала Данке почудилось, что это стаи взбалмошных ворон хлопают крыльями по стеклу и, чего-то требуя, кричат. Очнулась. Оказалось, что это за дверью палаты голоса:

— Ну, мы только посмотрим на неё! — взвизгивал чей-то стариковский голос. — Поглядим... Так чего же здесь опасного!

— Да как же это! — возмущался чей-то старушечий голос, — бабушке с дедушкой на родную внучку посмотреть нельзя!

— Безобразие! — кричали одновременно мужской и женский голоса, — родителей к ребёнку не пускают!

— Да много вас, понимаете! — слышался отбивающийся голос врача.

А следом — бойкая разноголосица:

— Так мы же её одноклассники! Лидочка без нас и дня не сможет прожить!

— Лидочка нам ох как обрадуется! Мы не дадим ей говорить! Мы сами тоже только словечек несколько скажем! Ну, пустите нас! Ну, доктор, ну, пожалуйста!

Леонид Константинович не выдержал натиска и сдался:

— Только на одну минутку! И все покинете палату!

— Ура! — крикнула толпа ломящихся, и дверь распахнулась, стучаясь створками о стены.

За минуту вокруг койки Лидусика выросла оранжерея цветов, а тумбочка и близстоящие стулья тут же срослись с апельсинами, яблоками, виноградом, коробками конфет и прочими яствами...

Лидусик только хлопала глазами под ободряющие возгласы:

— Деточка наша! Лапочка! Солнышко!..

— Мы тебя любим! Ждём! Выздоровливай ско-

рее! В классе без тебя грустно! За «капустник» не беспокойся!

И ровно через минуту, как по команде, налетевшая стая вылетела...

Лидусик захлопала носом и разрыдалась...

— Я же говорил, я же говорил, — расхаживая по палате, ворчал Леонид Константинович, — нельзя впечатлений! И вы, — погрозил он пальцем Данке и Танче, — смотрите мне, чтобы без впечатлений, без эмоций! Без хорошего! Без плохого!

— Ладно, травую станем! — буркнула Танча, натягивая на глаза краешек одеяла.

— Всем успокоительные! И пока — никаких посещений!

Письмо 11

20 февраля 2001 г.

Здравствуй!

А знаешь, как из темноты возникает радость? Знаешь, как случайная улыбка или нелепая сценка на улице может поднять настроение?

...Вспомнила, как вышла из метро. Был красивый закат. Вокруг куда-то спешили люди. Наверное, домой. Все-таки — час пик. Из головы не выходило чье-то тяжелое письмо... И поэтому, наверно, я не обращала внимания ни на красивый закат, ни на лица людей. Я видела лишь вяло текущие оттенки луж.

Вдруг на небольшой площадке у метро из киоска вырвалась музыка. «Миллион, миллион алых роз». И какой-то юродивый с развернутой газетой в руках стал смешно пританцовывать, не уклюже переваливаясь с ноги на ногу и чуть ли не кружась вокруг газеты...

Сначала я удивленно вскинула глаза. Коротышка с обрубленным затылком выглядел так нелепо. Но его движения в танце среди прохожих были так смешны и неожиданны. Иногда он допрыгивал до дамочек у лотков и пытался ладонью коснуться чьей-нибудь щеки...

Я замерла на ступенях магазина, не зная, как осмыслить эту стихийную радость маленького уродца. Вдруг из-за бордюра показались два смешливых личика девчонок. Они переглянулись и выскочили на площадку, танцуя среди прохожих. Был час пик. Люди торопились, а девчонки танцевали, взявшись за руки и как бы обтекая спешащих и нахмуренных прохожих... Это было, как в моих картинах, как в

моих сказках. И моя улыбка сама поплыла и навстречу неуклюжему уродцу с газетой, и навстречу так изящно танцующим девчонкам...

И я сказала себе: «Все! Все. Я сжигаю старые календари!»

А ты стал бы танцевать со мной на площади? Танцевать изящно, завораживающе?

А впрочем, неважно. Танцевать можно и внутри себя... Мысленно... Даже когда совсем нечему улыбаться... Даже когда совсем ничего не клеится...

Душа сама себя не замечает.

Танцуй, юродивый!

Какая к черту мгла!

Уставший день к твоим глазам причалит
улыбкою из сжатого угла...

А еще я подумала, как легко играет с нами настроение. Настроение — такой маленький юродивый, которому все равно до неулыбчивых лиц, до раздражения спешащих. Стихийно кинуться под ветер музыки и детской улыбкой разбить такой нахмуренный мир...

А я вдруг чувствую, что ни к кому не могу подойти. Не могу подойти и заговорить так просто.

Двор какой-то закомплексованный, как будто чужой... Тогда я подумала, что это не двор, это я сейчас такая.

Это я сейчас такая,

Под ржавеющим ключом...

Двор и люди ни при чем!

Вдруг планета золотая

Покатилась за мячом!..

Это я сейчас такая. Только надо выйти и вернуться в незнакомый двор. Выйти, легко отпустив улыбку... Я так и сделала. Вернулась. Посмотрелась в зеркало. Взяла репортер, теперь уже не пряча в сумку увесистый микрофон, наушники... И так вышла на солнечную горку другого двора.

Там смеялись мальчишки, гоня мяч вокруг гаражей-ракушек. Я легко пнула мальчишкам покатавшийся было с горки мяч и так же весело засмеялась, включив микрофон, чтобы записать смех...

И все получилось... Представляешь, все получилось! Наверное, время от времени внутри нас сжимается пружина. И тогда мы начинаем чувствовать только ее, не замечая, как просто-

душно солнце, как простодушна выглянувшая на свет первая трава... Как ты думаешь?

Расскажи свой день!

До свидания!

15. НЕ КОЛОБАШКА ДЕРЕВЯННАЯ

— Слушай, а какая живая наша Лидусик! Ты не заметила?

— Заметила.

— А как её все любят и она — всех...

— Редкий дар оказаться в своём пространстве...

— А почему нам всегда что-то мешает оказываться в своём пространстве?

— «Листы сада Мори» читала?

— Нет.

— Там хорошо сказано почему. Чем больше в человеке от Бога, тем сильнее свирепствует Дьявол.

— Страшно как-то от этих слов.

— Это не слова. Это данность. Давай по сайту работать!

— А кто-нибудь еще что-нибудь написал?

— Написал. Грустный Волшебник. Только ты лежи, не вставай. Я тебе и так всё прочитаю. Слушай...

— Хорошо, когда есть дом, во дворе которого можно чистить снег, — вздохнула Танча, и в её серо-голубых глазах будто хрустнули льдинки... — Я бы, наверно, всю жизнь вот так игрушечной лопаткой...

— У тебя не осталось бы времени на новые впечатления, — заметила Данка. — Вот у Керкегора живой человек это лишь тот, который находится в настоящем времени.

— Но если настоящее время — это быть привязанным к больничной койке и не знать, когда ты нормально встанешь на ноги и встанешь ли вообще... Какой тогда смысл у Настоящего времени?

...Долгая белая пауза вдруг воцарилась в воздухе. Крохотные разноцветные горошины на фланелевой желтизне халата вдруг зарыбились в глазах. Девчонки невольно коснулись темы, которой никогда и никому не хотелось бы касаться. Данка чувствовала, что чем дольше пауза, тем сложнее искать воздушный мост между словами, и что эту паузу надо скорее пор-

вать. Глядя в окно на густо поваливший снег, она отрешённым голосом стала читать:

Выходит снег в моё рожденье.

Я юношу его от всех, как тайное предощущенье

Креста на чёрной полосе.

Как тайное предощущенье

Конца всех чёрных дней и лет.

А в слепке белого движенья —

Деревьев старческий портрет...

— Твой? — спросила Танча.

— Мои...

— Но ты пишешь так, будто прожила уже полсотни лет и вся такая мудрая и старая...

— Можно прожить и сто лет и не пережить того, что кто-то переживёт за неделю, за день, за час. Прожить и пережить — не одно и то же. А ещё важнее — успеть осмыслить. А еще важнее — осмыслив, принять решение. И лучше, когда оно будет таким: не падать духом, не сдаваться, жить во что бы то ни стало, сжать время так, чтобы успеть закрутить своё пространство для многого полезного и большого.

— И еще успеть во всё это поверить, — добавила Танча, потом посмотрела на Данку в упор, будто гвоздём пробила: — а признайся честно, тебя никогда не мучает отчаяние?

— Мучает, еще как. Я же не колобашка деревянная. Вот мы появились на свет, а потом на этот свет обижаемся в случае чего. Но ведь нам же никто не обещал, что каждое полезное движение души будет поддержано.

— Ты это о чём?

— Не хотела тебе читать одно письмецо. Но раз уж возник вопрос о том, как мучает меня порой отчаяние... особенно, если из последних сил душу выкладываешь, а тебе — из чьей-то, тоже человеческой, души, — но в ответ — грязи ком. И начинаешь думать, как может человек носить в себе эту грязь? Сто лет жить и сто лет накапливать грязь... Вот оно — венец моих стараний — письмецо:

«...Кому только в голову приходит такую галиматью писать? Делать, что ли, больше нечего? Какие-то радуги ползающие... Какой-то человек на горе с плакатом... И еще куча всякой ненужной ерунды... Бред полный! Бред идиота! Хватит свою дурь в Интернет качать! Заткнись! И если у тебя крыша поехала — лечись лучше!...»

Барон

Реакция Танчи была совсем неожиданной. Данка думала, что её соседка по больничной койке сейчас начнёт возмущаться. Но Танча вдруг прыснула в кулак. Если бы не спящая Лидусик, она бы точно расхохоталась:

— Ну, во-первых, не Барон, а баран! Для баранов сейчас и так везде пищи хватает: и эстрада с потно трясушимися «звёздами», и скабрёзные юмористы, и триллеры — зашибись! Во-вторых, что такое ИДИОТ? Вот князь Мышкин у Достоевского. Почему он идиот с точки зрения общества? Да потому, что Достоевский создал тип идеального высоконравственного героя, с тонким строем чувств. Общество в основной своей массе такого не принимает. Но и в обществе есть те редкие исключения, которым тоже нужна особенная духовная пища, а не банальность в смачном примитиве.

— Банальность в смачном примитиве! — ой, как смешно! — очнулась от сна Лидусик. — Мне бы это для роли рыжей капусты очень подошло! А еще можно сказать: «Банальность в примитивном соусе». Даже представить смешно, как это можно съесть! Положить банальность на тарелку, полить примитивным соусом, сверху посыпать перцем. Потом взять вилку... А на вкус — только перец. И — чихать не прочихаться! Эх, «капустник», «капустник»... как же он без меня будет? А, ладно, ну её, эту рыжую капусту! Девочки, давайте апельсины есть!

...Снег в окне облизнулся и завис. Не от зависти, от наслаждения. Даже он понимал, что значит зимой, в больнице, полакомиться апельсиновыми дольками. Особенно когда тебе никто не приносит вкусных «передачек»... Ведь он, снег, не какая-нибудь колобашка деревянная, чтобы наслаждения не чувствовать...

16. СМЕШКИ С БОЛЯЧКАМИ

...Дальнейший сироп больничного времени был похож на смешки с болячками.

Лидусик всё время то смеялась, то охала от какого-нибудь неловкого движения:

— Ой, я сейчас захлебнусь от апельсинового смеха! Представляете, девочки, на моём памят-

нике будет написано: «Её постигла смерть от апельсинового смеха!»

— А на моём, — в тон ей балагурила Танча, — будет написано: «Задохнулась от перчёной банальности!» А на твоём, Данка, что будет написано?

— На моём, — подхватила весёлое настроение Данка, — на моем будет написано непонятное для бароно-барановых ворот: «С лавиной заката скатилась со склона Земли».

— Для каких барановых ворот? — прозвенел хрустальный звонок Лидусика. — Баранам апельсинового смеха не достанется!

— Всё, всё! — скрестила руки на груди Танча. — У меня от смеха кости лопаются. Будем так смеяться, кости вообще не сростутся!

— Великий индийский философ Сосан, — решив положить конец смешкам с болячками, заявила Данка, — сказал, что нельзя предаваться смеху до конца, потому что на другом конце будут слёзы. И слезам нельзя предаваться до конца, потому что на другом конце ждёт смех. Лучше быть посередине. Девочки, пока наши кости совсем не развалились, давайте попытаемся остаток дня пожить на середине!

Все еще раз прыснули и разом охнули, что вызвало внезапный залёт врача и медсестры:

— Это что за смех! — сдвинул брови Леонид Константинович.

— Смех окрыляющий! — охнула Танча.

— На крыльях такого смеха с вашими сломанными костями только на кладбище лететь! — нарочито ворчливо сказал Леонид Константинович.

— Это апельсины смешливые, — сказала Лидусик, — вот возьмите сами. Попробуйте.

— Сестра, — сказал врач, принимая брошенный Лидусиком апельсин, — дайте больным противоапельсиновое успокаивающее!

Успокаивающие в самом деле подействовали. Подносы с обедом так и остались нетронутыми. И на тарелки с куриным бульоном накатило внезапно сонное сопение...

Данка противоапельсиновых успокоителей не пила и поэтому размышляла над тем, как неожиданно, казалось бы, от незначительного нюанса, начинает меняться настроение и строй ощущений становится необыкновенным. Вот, например, сейчас она вспомнила кусочек Таниного рассказа о том, как её мама

читала письмо на радио от мальчика-бродяги. И она вдруг представила себя Таниной мамой, и под этим впечатлением, и под впечатлением плевка Барона, и под впечатлением смешков-болячек стало появляться её следующее письмо в облака. Ведь в жизни, даже такой скудной на впечатления, даже такой, как в больничной палате, всегда есть столько тонких импульсов, которыми просто необходимо поделиться. Поделиться с душой понимающей. Ничего, что душа эта незнакома и невидима. Ничего, что душа эта незрима. Главное, что она где-то обязательно есть!

17. ДОКРИЧАТЬСЯ ДО ХОЗЯИНА ВСЕЛЕННОЙ

Письмо 12

21 февраля 2001 г.

Здравствуй!

Тебе никогда не хотелось взять и скатиться с лавины заката?.. Куда-нибудь. Мимо земного шара, мимо всего... И попасть в тот храм, где живет Хозяин Вселенной...

Прямо под потолочье уходит его трон. Готической формы хрустальный трон. Как высок он и недоступен. И, наверно, если захочется что-то ему сказать, то просто не долетит голос... Смотрю выше... Но почему-то руки у него в толстых паутинах. И глаза пыльные. Он все время закрывает их, потому что человеческих судеб боится... Тогда почему он — Хозяин?.. И кто построил ему такой высокий трон!

Нет, надо скатиться с лавины заката! И пусть не каждому ищущему повезет НАЙТИ, не каждому кричащему повезет ДОКРИЧАТЬСЯ... Пусть! Но есть что-то другое, помимо стен твоей комнаты... Есть что-то другое, помимо привычно проходящих людей. И помимо бранных забот, о которых постоянно сокрушается твоя жизнь.

И это другое заставляет открыть веки Хозяину Вселенной... И сорвать толстые паутины с его рук... И сказать: «Посмотри, что творится! Зачем ты дремлешь?»

Все непросто. Вот это не Танина мама, а Я читаю длинное письмо от мальчишки-бродяги. Он пишет о чужом мире. Мир стал чужим, когда не

нашлось места в доме матери... Мальчишка, не согласный с тем, что многими считается почти НОРМАЛЬНЫМ, пошел скитаться по селам и городам. Голодный, больной. Он рассказывал о разных встречах с людьми на вокзалах, в подъездах, на платформах электричек...

И у меня всякий раз замирает сердце, когда я думаю, что вот следующая строчка будет о том, как он все-таки принял чью-то протянутую руку, поверил и пошел просто счастливо и уютно жить... Но такой строчки так и не нашлось в письме. Затравленным зверьком парень отодвигался от мира, запираясь в обиду на высшую несправедливость. А ей-то, несправедливости, какое дело до не принимающих ее людей?.. Ей все равно...

И это не Танина мама, а Я узнаю, что мальчишку зовут Дима. Это мне написал он на радио. Делая передачу, я случайно встречаю другого Диму. На солнечной горке, среди веселой детворы. Другой Дима говорит о том, как ему повезло жить правильно.

Много умных слов правильного парня, студента... Но в душе моей звучат лишь строчки письма от того Димы, от того, который предпочел скитальческую жизнь. Бродяга, отверженный, но не пресмыкающийся, вызывал в моей душе куда большую симпатию. Почему? Не знаю, почему... Ведь подчиниться жизни — это не сила, а слабость. Подчиниться падению... Но почему-то в этом падении есть какая-то особенная, своя высота. Это даже не падение. Это УХОД. Высшая степень несогласия в состоянии беспомощности...

Ладно, не будем о грустном. Каждый как может, так и живет. И уходит, как может... Просто какое это удивительное чувство — переживать чужое состояние беды как своё собственное состояние.

Ладно! Давай с лавины заката, мимо этой земли! Хотя, возможно, другой не будет...

И, наверно, понимая, что другой не будет, красивый парень в подземном переходе метро поет дивным, летящим голосом. Я опаздываю на передачу. Остановиться?

Спросить? Записать песню? Или пройти мимо? Сколько их в метро поет... Скольким талантам не довелось на сцену... Нет, пусть опоздаю, но запишу. И я взяла микрофон и встала рядом с этими летящими в футляр гитары гроша-

ми... Как же дорого должен был стоить его голос! А почему — гроши?.. Гроши, за которые СПАСИБО... Оказалось, что парня зовут Володя и учится он в консерватории, а зарабатывает в подземке полтора года. Зарабатывает на возможность учиться и как-то жить...

— Ты не испытываешь неловкость? — спросила его.

— Нет! — ответил. — Каждый, кто хочет быть услышанным, может им быть...

Записав интервью и песню, я подумала: не важно, где рвется душа и летит ее голос, важно, чтобы этот голос души был услышан...

Но ты не подумай. Все слишком относительно. И нет однозначности ни в чем. Мне больше нравится утверждение, что иногда человек так проигрывает свою судьбу, что любой победитель умрет от зависти...

В конце концов, когда человеку говорят: «Ты не умеешь жить», — возникает вопрос — ГДЕ?

В примитивном приземленном — не умею, а в облаках — мне хорошо!

В облаках легче докричаться до Хозяина Вселенной...

Так давай вместе, прямо с лавины этого заката!

— Давай, — сказал Алекс, — очень люблю с лавины заката скатываться!

А у Хозяина Вселенной — две половинки лица. Одна — темная. Другая — светлая...

— И сердца тоже два? — спросила Данка, едва различая фигурку Алекса в фантастически плотном сгущении тумана на полоске Песчаной лагуны.

— И сердца тоже два, иначе он бы не был Хозяином Вселенной.

Его образ терялся в тумане, но она всё равно шла навстречу. В душе было так много всего невысказанного и неразрешённого, что она была готова умереть лишь за то, чтобы сказать, чтобы спросить:

— Алекс, Хозяин Вселенной далеко. Мне до него не докричаться. Но есть ты, человек, которого я случайно обрела и потеряла. Скажи, что происходит с человеческой душой, когда готов всё отдать за незнакомого человека, только бы помочь торжеству его справедливости?! Скажи, что происходит со мной? Почему с того момента, как мы

случайно потерялись и я оказалась на больничной койке, я так сильно переживаю за людей, которые приходят в мою рассылку? Я сживаюсь с их образом мысли, с их системой переживаний... Мне страшно и больно за любого униженного, за любого обделённого. Вот сегодня мне стало жалко какого-то Барона, который обхамил мою рассылку. Мне стало жалко его за ограниченность и обделённость. Алекс, мне всегда говорили, что я — человек без кожи. Скажи, как можно жить человеку без кожи? И можно ли жить вообще? Или прекратить всё сразу и не стоит бороться?..

— Данка, ты сама всё знаешь. Когда туман развевается, мы найдёмся, и я встану рядом с тобой в борьбе ЗА. Никогда нельзя бороться ПРОТИВ. Надо бороться только ЗА! Когда ты борешься ЗА всё, что тебе близко даже в незнакомом человеке, ты борешься ЗА себя! Данка, запомни, только — ЗА!

...Туман становился еще плотнее, и коса Песчаной лагуны становилась недостижимой. Облик Алекса утонул в ней, исчез. Но ведь даже когда исчезает образ того, кому ты хочешь поведать сокровенное, всё равно остаётся путь достигаемой мысли. Поле зрения... И человек, которого ты хотя бы раз в жизни увидел или услышал, или прочитал его строки, очень близкие твоему сознанию, — это уже Божественный подарок. Ведь даже когда исчезает возможность видеть, остаётся возможность говорить...

— Алекс! — крикнула она сквозь плотную полосу тумана, — я счастлива, что могу с тобой говорить! Для меня это — то же самое, что докричаться до Хозяина Вселенной!

18. НЕ ТРОГАЙ ЖАЛО ЗМЕИ!

...Боже мой! Боже мой! — воскликнули бы тысячи людей обыкновенных. — Мы маленькие люди. И вокруг каждого из нас есть свой заборчик. Он огораживает пространство нашей жизни. Что дорогого есть в этом пространстве? — Семья. Мебель дома. Богатство дома. Люди, нужные для семьи и для дома, и — никого других. И пусть в твои ворота сквозь стужу и дождь постучится хоть один посторонний! Пусть у него будут руки музыканта, озябшие от первых заморозков... Пусть у неё

будет нежная кожа принцессы, брошенная спать на еловых разлапях и щебне, — какое дело твоим дворцовым воротам до чьих-то тонких рук и чьей-то нежной кожи. Услышав стук в ворота среди бурана или дикого дождя, ты лишь повернёшься с боку на бок. Услышав крик о помощи, ты закроешь уши берушами... Услышав, что кто-то умирает, ты пробормочешь сквозь сон: «Пусть умирает, а я-то тут при чём?» И муновский крик, крик лица с обескураженным ртом никогда не будет тебя преследовать. Главное, что это не тебе пришлось кричать у чьих-то царственных ворот. Но однажды странно поменяется время. И твои утонченные руки, и твоя изнеженная кожа окажутся на перипетии стихий, во власти снега и дождя... И ТЫ постучишь в чьи-то ворота и скажешь: «Я был царём и потому не переживу лишения!.. Впустите!» А в прошлом раб и в нынешнем хозяин ворот скажет: «А мне-то что! Иди дальше! Меня тоже когда-то не впустили...»

Люди с детским умом и взрослым сердцем. Или люди с детским сердцем и взрослым умом, оказавшись перед глухими воротами, одинаково беззащитны. Лишь чудаковатое сердце юродивого, человека без кожи, без чинов и званий, будет задыхаться на дороге рядом, страдать ЗА чужого ТЕБЯ.

...Полная луна стояла во всё окно. Стояла и смотрела, пронзительно, насквозь.

— Данка, — вдруг зашептала из своего прикроватного вороха Танча, — я не могу так жить. Не могу! Понимаешь? Это невозможно! Невозможно в свои шестнадцать понимать, что вся жизнь перечёркнута, что всё, чем ты жила, — это уже невозвратимое прошлое. А будущее — еще не известно, наступит ли оно когда — это будущее!.. Мне каждое слово — боль, каждый смешок или чья-то слезинка — боль. В жизни нет ни больших, ни маленьких. Есть просто — голимая боль. За каждого человека страшно. И если бы все мои переживания заканчивались только мной, я легко ушла бы из жизни, похоронив с собой все свои переживания. Но, как знать, если есть мама, человек взрослый, но беззащитный, как ребёнок, и её счастье в своей огромной беде — это хотя бы знать, что со мной всё более-менее хорошо...

И я обязана жить только ради того, чтобы мама знала, что со мной всё более-менее хорошо... Если я уйду из жизни, я обрублю её веру в будущее счастье ребёнка, своего ребёнка, и тогда ей незачем станет жить... И она тоже умрёт... И если все неплохие люди будут так спокойно сдавать в чужие ломбарды свои жизни, что станет с человечеством, с Землёй?

— Танча, — процедила Данка сквозь зубы, — молчи! И вообще, на будущее завтрашнего дня, запомни, есть между нами тайная игра: не трогай жало змеи! Это значит — не касайся того, что приносит боль. Можно ёрничать, прикалываться сколько влезет, играть и заигрывать, но не наступать за грань...

— Это ты мне говоришь! — прошептала Танча. — Мою боль заковали в гипс. Меня ломала боль сильнее, чем боль сломанных костей. Но её заковали в гипс. Я могла умереть от болевого шока. От ломки, а не от сломанных костей. Но кому до этого какое было дело! Даже наш врач, Леонид Константинович, так и не знает, что ломалось во мне больше, чем сломанные кости! Я попала в эту палату на выходные. Рядом две пустые койки — и никого больше! У меня не было сил ни крикнуть, ни позвать, а судороги закованы в гипс... Было такое чувство, будто заживо закопали...

Сердце молодое, здоровое. Вынесло всё. Живу. А сколько моих, на моих глазах — на кладбище. А сколько — от «не там оказался» — выносили тихо на помойку...

Родители своих детей, на глазах своих детей выносили их друзей на помойку... Да и со мной было почти то же самое. У своего парня заночевала, когда он меня уже посадил. Упала, потеряла сознание. Он тоже — без сознания. Папа боялся маме открыть правду и не вызвал «скорую», хорошо, что вошла моя мама и ей было плевать, кто кому чего не хочет открыть... Она тут же вызвала «скорую», и меня с моим парнем отвезли в больницу и спасли жизнь. На Соколиную гору нас отвезли. В предсмертном состоянии. У него были ВИЧ и гепатит. У меня оказался только гепатит. Мы в разных корпусах лежали на Соколиной горе... Но как мерзко ханжество взрослых, которые готовы дать погибнуть собственным детям, только чтобы «не запачкаться»! А как можно

запачкаться, когда и так — сами будучи по уши в дерьме!

Танча говорила так эмоционально, что Данка поневоле, чисто рефлекторно сказала:

— Тише, Лидусик услышит!

И вдруг сквозь полноту ночной луны:

— Девочки, я же не в «дурке», да! Я же весёлая, наивная, да? Еще почти ребёнок, да? Но я — из элитного лица! А в нашем элитном лице «дуратой» торгуют куда свободнее, чем в примитивной школе! Но каждый родитель пытается это скрыть! Скрыть! Вместо того, чтобы протрубить тревогу! Они за свой имидж беспокоятся. И тихо-молча сами пытаются сражаться с нахлынувшей бедой. А вокруг уже цепная реакция. Но и директор молчит, чтобы честь лица не пострадала. Да я уже и гашиш курила, и героин, и кокаин пробовала. Просто организм, спортивный, сильный. Окончательно не подседа. И спасибо сосне, которая остановила меня! Знаю других, ради которых родичи и квартиры, и дачи продавали, и в долги залезали, а ничего не помогало. Мне хорошо. Я сильно покалечилась. Это сэкономит капитал моих родичей. Со сломанной шейкой бедра и шей полгода здесь валяться. Сделайте доброе дело, нашепчите врачу, чтобы моих любимых одноклассников ко мне пореже пускали. А то апельсиновый сок и в самом деле будет перемешан с коккой.

— Лидусик, и ты? — удивилась Танча.

Ночь была совсем глубокой, а луна совсем круглой, и боль совсем маленькой по сравнению с кругом больных наркозависимостью... Хотя таким больным лучше всего оказываться в травматологии...

Данка впервые почувствовала, насколько она живёт не в духе времени. Танча — еще понятно. Особая ситуация. Редкий случай. Но чтобы ещё и Лидусик! Это уже совсем общество с ума сошло. Дети колются, а родителям — по барабану! Ну, да легче апельсины в больницу принести, а потом цветы на кладбище. И освобожденно, поплавав, вздохнут. И станут жить дальше как ни в чём не бывало! Нет, конечно, к родителям Танчи это не имело отношения.

Только теперь она по-настоящему поняла, насколько важен серьёзный сайт, который не

просто гласит: «Наркотикам — нет!», а рассказывает про жизнь. Просто про жизнь.

— Лидусик, помолчи, — сказала Данка.

— А что, помолчи, — возмутилась Лидусик, — думаете, не вижу и не слышу. У меня шея и бедро сломаны, а черепушка пока не раскололась. Всё вижу и слышу. И делайте сайт, не дожидаясь, когда я усну. Я сама еще подкажу многое. Всё-таки из элитных, в отличие от Танчи.

— Ну, а хотя бы то, что элитность не деньгами определяется, ты согласна? — тут же спросила Танча.

— Не вопрос! — ответила Лидусик. — Думали, что я вам бесконечно танго рыжей капусты выдавать буду. Обойдётся! В конце концов, в вашем возрасте, девочки, пора научиться отличать приколы от внутреннего содержания!

— Ну, ни фиги себе! — сказали Танча и Данка.

— Конечно, ни фиги, — согласилась Лидусик. — Чего Танча не сможет, я доскажу. Разница в два года — это уже другое поколение. Так что, старушки, меня не исключайте.

— А мы-то думали... А для тебя сказки заказаны, — протянула Данка.

— И хорошо, что заказаны, — встrepенулась Лидусик. — Очень сказок жду. Люблю сказки, как самое младшее поколение. Пусть пришлёт, оценю. Во всяком случае, имя его — Фламинго Луны — мне нравится. Ладно, сестрички «густо-пусто, рыжая капуста», байки давайте! А ты, Данка, открывай спокойно свой ноутбук и не надо от меня прятаться. Если захочу, завтра ноутбуки принесут и мне, и Танче!

— Захоти! — сказали Данка и Танча одновременно.

— Считайте, что уже захотела.

Лидусик достала мобильник, набрала номер:

— Папуля, мне здесь полгода отлёживаться, работа интересная наметилась. Два ноутбука нужно. Принеси завтра. О'кей, папулечка, я тебя люблю!

Луну туча заволочла, а детка Лидусик внутри себя праздновала большую победу:

— Так что, девочки, завтра каждый сам свои мысли излагать сможет. Для общего дела. Пока покоюшки!

— Боже мой! Ни фиги себе, солнышко-лапочка! — сказали Данка и Танча и не заметили, как уснули.

У Данки, конечно, выработался особый рефлекс: просыпаться через два часа после того, как все уснули. И — скорее за рассылку!

18. МОЁ ОСТАВЛЕННОЕ КОРОЛЕВСТВО...

Письмо 13

23 февраля 2001 г.

Здравствуй!

... Прошла целая неделя. И я так соскучилась по тебе. Представлю, что соскучилась, — сразу веселей становится... Но это такая спонтанная веселость...

Просто склон на солнце позеленел.

Событие!

Кто-то кувшин среди горлицевтов поставил. Такие крохотные огоньки цветов и серьезный глиняный кувшин! Бок на солнце греет... Пыжится... Важничает! Пытается что-то сказать...

Наклоняюсь к нему:

— Эй! Чего здесь стоишь? Иди домой!

— Ну и пойду... — обиделся кувшин и покотился со склона. Потом встал, отряхнулся от желтой пыльцы и пошел себе... И забрался в лужу...

Две вербочки у лужи переглянулись, замерли. И я слышала, как одна другой сказала:

— Сейчас из кувшина джинн вылетит. Посмотрим, к тебе или ко мне вылетит...

И они замерли в своем ожидании, а я дальше пошла.

...И потом я добрела до скалы. Не знаю, откуда в городе взялась эта скала?! Стоит себе, облепленная воробьями. А рядом — улитковое дерево. А под деревцем кошки сидят, лапы лижут, поглядывают на меня загадочно и переговариваются:

— Она в комнату под Закатом идет...

— Зря одна идет...

Не хочу — одна... Ведь тебе тоже интересно, что там, в комнате под Закатом. Тогда отодвинь, пожалуйста, лучи! Не бойся! Они мягкие и не порежут пальцы, и не обожгут ладони...

...Смотри, какие чудные малыши бросают камушки в тот самый кувшин!

— Как ты думаешь, — спрашивает девочка у мальчика, — почему камушки тонут?

— Потому что плавать не научились, — отвечает мальчик.

Улитковое деревце растет в кадучке посреди комнаты.

— Как ты думаешь, почему на деревце улитки растут? — спрашивает мальчик у девочки.

— Улитки растут... — сказала девочка, — потому что это Улитковое деревце. А если бы было вишневое, то на нем бы росли вишни...

А ты помнишь, как сам удивлялся миру?.. В этой комнате под Закатом легко быть одновременно большим и маленьким.

Вот комната залилась закатными волнами. Малыши сели в кораблик и поплыли с песенкой:

На мостках лягушки зябли,

Был ужасный шквал.

А по морю шел Кораблик.

Пяткою болтал...

Можно теперь я тебя спрошу: «А кораблики вырастают когда-нибудь в большие корабли?»

А что там, дальше? Из комнаты в комнату — окно! «ПОЭТИЧЕСКИЙ ЗАКУТОК».

Ну, понятно, здесь всегда поэты сидят и на Закат смотрят. Говорят, в комнате под Закатом душа легче раскрывается.

Давай на выход!

Что? Откуда это зеленое сияние? Никогда бы не подумала, что в комнате под Закатом живет Зеленая Луна... О, скоро начнутся Поляны Снов!

Я уже вижу! А ты?

...Это волшебница Юлия «Зеленую Луну» прислала...

И с Луны стекают Поляны Снов...

...Вот он сидит на поляне, Маленький Сон, и светильник с лунными дождинками держит. А там — длинные тени... Это очередь в наш Сон...

— Мальчик, мальчик! Откуда в твоём светильнике столько золотых ежиков?.. И пингвилят... И клоунских колпачков... Почему это я плыву на детском корыте по наполняющемуся водой арыку... среди зарослей чайных роз и терпких цветов шиповника?.. И мое королевство из разноцветных

камешков на берегу смотрит на меня... Покинутое... Смотрит... Мое оставленное королевство...

Ты спишь?.. Куда несет тебя твой Сон?..

— К тебе, конечно, — сказал Алекс. — Три ноутбук вместо одного — это и есть твоё оставленное Королевство... Но не стоит огорчаться...

— А с чего ты взял, что я буду огорчаться, — сказала Данка. — Я не разучилась радоваться возможностям других. Или ты съел столько тумана, что разучился меня видеть?

— Не, Данка, не разучился. Войди сейчас в инет и узнаешь, сколько МЕНЯ в разных лицах придёт сейчас к тебе...

— Ну, это и будет «Моё оставленное королевство...»

— Оставленное — обретенное! Какая разница по большому счёту!

— Разница дразнится. Когда объявишься?

— Когда Луна в твоём оставленном Королевстве куковать научится...

— Ну, пока, мой кукушонок, учи Луну!

19. ЗА КОЛДОВСТВОМ ТРОСТНИКОВОЙ ДУДОЧКИ

Письмо 14

26 февраля 2001 г.

Здравствуй!

...Ты даже не представляешь, как дороги мне твои чувства и твоя душа... Как хочется вложить в твою ладонь таинственный конверт с сиянием чуда, с запахами цветов донника, озерной мяты... Я зажмурюсь, представляя, с каким нетерпением ты открываешь конверт, а из него вылетают бабочки, перламутровые, лимонные... Ты ничего не можешь понять, а за спиной уже развеивается накидка из бабочек, а над головой — нимб из шелеста и пыльцы... И ты очнуться не успел, как безмятежные существа унесли на своих прозрачных крыльях твою печаль...

...А из далекой тишины, за полосой темнеющего леса, заиграла тростниковая дудочка. Стадо коров, в цветах и ленточках, приплясывая, двинулось по улице...

Может быть, это какой-то чудаковатый

бизнесмен решил поменять картину улицы и в силу своей фантазии устроить людям праздник... Желание сотворять чудеса заразительно. Может быть, богатому человеку надоели скучные деньги. И на какой-то момент он решил поменять жизнь. Продал «мерс», купил коров и празднично их украсил... Потом снял свой дорогой прикид и надел просторную рубаху пастуха и холщовые штаны... Спрятал улыбку под широкополой соломенной шляпой... Может быть, все это сотворила с человеком тростниковая дудочка, которую он случайно нашел в старинном сундуке своей бабушки... Всего лишь дудочка...

Велик ли, смейшон устроенный праздник?.. Как знать... Но какой-то юноша смотрел на это перерождение жизни... Смотрел, сидя на крыше 12-этажки. Смотрел, обняв руками колени... Наверное, на какое-то время он забыл о своей печали и сейчас думает о том, какое чудо может сотворить он сам...

...Бабочки вылетали из твоего конверта... Разнаряженное стадо по мостику из их крыльев уходило в заоблачный сад... За дудочкой и пастухом тянулся шлейф тумана...

...Тростниковая дудочка своим звучанием сотворила замки в облаках...

Дай руку! Пойдем наколдовывать замки! Нас уже не догонит страстная милиция, с чувством исполненного долга разгоняющая старушек с цветами... Хотя кому мешают их цветы?.. Я всегда считала, что старушки и цветы — это особое украшение улицы... Ну, да ладно! Какой-то милиционер бросился разгонять коров, но случайно оказался на облаке... Сидит на облаке, что-то кричит в свою рацию, а вокруг — только небо и разгонять некого... Обезумевший от невозможности спуститься на землю, он стал кричать облакам:

— Арестую!

...Облака не хотели арестовываться и плыли себе по небесному саду...

Милый мой, это не вокруг серая пустота сгустилась, фонариками зажглась...

Это из тебя облако вырвалось, сад вырос,

в радугу жизнь измыленная впряглась.

...А еще... Сегодня в душу мне запало одно письмо. Давай прочтем его вместе!

Привет!

7:30 AM. Новое утро очередного дня... Открыв шторы, я позволила грусти войти в мою комнату. Глядя на дожди за окном, я медленно привыкаю к новой жизни. А такое возможно, как думаешь? После утреннего звонка жизнь разбилась на две части: до и после.

Ещё вчера я смеялась, была с друзьями. Казалось, что все мои мечты сбудутся. Всё было нормально: учёба в одном из лучших английских университетов, 2-3 друга, с которыми всегда были вместе. Но всё осталось в прошлом.

Сейчас в душу закрадывается страх, чувство пустоты заняло почти все в душе. В мыслях кружится часть стиха, написанного моим хорошим другом Виктором Кравченко:

Нежность и злость — то всего лишь полосы.

Черные, белые... разные, как твои волосы...

...Вечные полосы на пути в Никуда.

Я просыпаюсь. Ветер свистит.

Тихо. Мне страшно. Тик-так.

Мне на самом деле страшно. А кому не было бы страшно? Когда 19-летней девчонке говорят, что у нее рак желудка, как можно назвать еще эти чувства? Я даже не знаю, что происходит, не могу объяснить. Кому теперь нужна я, мои поломанные мечты и больная душа? Разве можно понять душу страдающего человека?

Так хочется подставить себя ветру и полететь, уйти туда, где нет проблем. Хотелось бы забыть все проблемы и уйти в никуда. А кто-нибудь заметит, если меня не станет? Кому-нибудь станет грустно? Наверно, нет. Ведь никто не замечает, как в небе гаснут звезды. Так, наверно, никто и не заметит, как из жизни уйдет еще один человек.

Anna Simonyan <diplomat12@mail.ru>

...Давай позовем всех волшебников! Давай скажем этой девочке: «Аня, ты выдержишь предстоящую операцию! Ты встретишь 18 мая свое двадцатилетие! Твоя звезда не погаснет так скоро и незамеченно. Наши облака принесут тебе ветер жизни!»

...Милый мой человек, слышишь, как за темнеющей полосой леса играет тростниковая дудочка! Где-то там, в колдовском тумане бо-

лотных папоротников, стоит избушка... Это некогда никчемный владелец несметных богатств навсегда оставил свой особняк и поселился в самое сердце леса, чтобы в тишине сотворять свое чудо и волшебство... Чтобы совсем незаметно по утренним туманам переправлять живительную силу страждущим душам...

Отказавшись от жизненной мишуры, он научился открывать глаза восходящему солнцу.

До свидания!

20. В ЧЁМ БОГАТСТВО ЦАРЯ СИДХАРТЫ?

...Так часто случалось: она писала письма и плакала. Кто не пережил сам, тому трудно рассказать, как переполняется душа, соприкасаясь с невидимыми нитями лучистой тонкой материи инобытия. Её ощущения словно день ото дня заселяли совсем новую, еще никем не открытую планету. Все богатства здесь измерялись силой душевного потрясения. Нежной чуткой маревой облаков была защищена эта планета от грубой зависти, зла, насмешек. Но иногда, иногда всё же какой-нибудь грузный болид вторгался в её пространство и начинал осыпаться несметным количеством копоти, гари и тучами пыли из своего чёрного сознания. Но богатство планеты всё равно было неисчерпаемым. Она была как прообраз богатства царя Сидхарты. И Данке всегда не терпелось открыть в экране иконку с летучей мышью и посмотреть, как воспринимают её планету другие люди.

Итак, что в «бате»?

«“Сидхарта” Германа Гессе вам по вкусу? Вам всегда надо, чтобы кто-то раздавал свои богатства. Так и хочется, чтобы богатый стал нищим. А вы сами хотя бы раз в жизни попытались стать богатой?»

Философ

Данка включилась в переписку — парирование. Это не чат. Это особая переписка — быстро и сейчас.

«А вы считаете, что, раздав свои богатства, царь Сидхарта стал нищим? А что вообще, на ваш взгляд, есть Богатство?»

Данка

«Богатство — антипод бедности».

Философ

«А когда, по-вашему, Сидхарта был по-настоящему богатым — до раздачи своего царства или после?»

Данка

«Вообще — никогда. Если он не сумел правильно распорядиться своим богатством».

Философ

«А что, здесь есть единственно правильное понятие?»

Данка

«Единственно правильное понятие — НИКОГДА. Никогда никто не был по-настоящему богатым. Идите спать, девочка!»

Философ

...От этого Философа ей стало скучно и немножко горестно. Всегда горестно представлять себе человека в виде засохшего дерева. Скучные клетки без живительной влаги. Вроде твёрдое и крепкое, вот только непонятно — ЗАЧЕМ? Неужели и на таком дереве когда-то распускались живые листья с прожилками чувств среди зелёного хлорофилла, чутко реагирующего на ветер, холод, жару, дождь... А когда ощущения погибли — не стало листьев. И само дерево засохло. Стоит теперь как памятник самому себе бывшему и с презрением щерится на всё живое...

Надо поскорее избавиться от этой мрачной картины и заглянуть в следующую. Вдруг новые краски будут нежнее и тоньше...

«И это разноряженное стадо, и милиционеры — чудо какое-то. И только начинаешь упиваться этим чудом — вдруг, бац, чья-то большая реальность. Девочка из Англии — рак желудка. А она хочет жить! Как мы все тоже хотим жить! Ощущение стопора, чуда, загадки, особенно бережного отношения к жизни, дабы не разбудить этого самого рака... Но у меня такое предчувствие, что Аня будет жить долго. Ей поможет переживание наших облаков. И рак отпятится...»

Рыжий Лис

...Ну вот. Это уже ближе к тому, что называется человеческой реакцией.

Будто сквозь чашу чужого затемнённого сознания прорезается звук тростниковой дудочки... Где-то по невидимым полянам на волшебный звук идёт сам царь Сидхарта...

Что дальше?

«Данка, упиваешься свободным полётом души?
Где материалы для «Чистоты Небес»?

Я жду».

Фесд

Да, надо работать. За колдовством тростниковой дудочки еще тридцать минут экрана и напряжённых глаз...

21. КАРЛИК ПО ИМЕНИ СЛУЧАЙНОСТЬ

Письмо 15

2 марта 2001 г.

Здравствуй!

...Я живу и слышу, как кто-то рядом говорит:

— Это ничего, что тебя нет на свете...

— Как нет? — удивляюсь, оглядываясь по сторонам.

...Мешковатый Карлик, гордый тем, что он чуть выше светильника, смотрит на меня аккуратно развешанными глазками:

— Да, да... Не было и нет... И это даже хорошо: ничем не наследила...

...Я хочу кому-нибудь позвонить, кому-нибудь крикнуть: «Прогоните его! Он — СЛУЧАЙНОСТЬ!»

— Это твоя жизнь — случайность! — вздохнул Карлик, сел в угол, поджал колени...

Мне стало стыдно, что я ненароком обидела и без того маленькое существо. И мне очень захотелось исправить ситуацию.

— Хочешь абрикос? Или нет. Съешь этот большой баклажан и сразу станешь большим!

Маленький человек стал походить на вывернутый наизнанку арбуз...

— Я только хотел тебе посочувствовать... А ты... Ну и правильно, что тебя нет на свете...

...Ты сердисься. Ты всегда сердисься на меня. Просто за то, что далеко... Просто за то, что играю в невидимку... И не могу перепрыгнуть через стрекозу чистого молчанья. А как я объясню, что это королевский краб упал с подоконника и сломал ногу?.. А как я объясню, что это коралловая ветвь рассыпалась на мелкие звездочки и превратилась в пыль?.. Кошка прыгнула с окна и сотворила землетрясение...

...Я долго смотрю, как в состарившейся вазе шумит лиственный лес. Разве там кто-нибудь спрашивает про жизнь?.. А все это множество оставленных и неоставленных следов... Сегодня ты чуть больше муравья... А завтра, вытряхивая на бегу душу, сам кинешься искать тот единственный вход в муравейник... Тот единственный, закрывающий закат... Скажи, когда ты выходишь на улицу, ты ищешь доказательства своих следов? А как ты думаешь, сгоревшие в закате деревья помнят свой первый листопад?.. А как ты думаешь, солнце помнит о том, что

МЫ С ТОБОЙ

ОДНАЖДЫ

ТАМ

ЖИЛИ?..

Желтая патока лепестков, виражи-ветра...

Ты не помнишь, по океану солнца

шел наш корабль?..

Не разводи руками волны огненных трав!..

Жизнь никуда не канет,

Ибо на старом вулкане

Птенцы родились в полыхающих лепестках!

...Ты не помнишь, с той стороны света мы смотрели, как ПТЕНЦЫ РОДИЛИСЬ В ПОЛЫХАЮЩИХ ЛЕПЕСТКАХ?.. В огромном гнезде заката... В самом жерле небесного вулкана...

ОТВЕТНЫЕ ПИСЬМА

«А завтра, вытряхивая на бегу душу, я сам кинулся искать вход в муравейник, закрывающий закат. Эти нереальные строчки из какого-то совершенно другого мира, вдруг встряхнули меня и заставили иначе взглянуть на всё сущее. Я подумал, что вот если бы всех людей научить так сказочно чувствовать жизнь!

Моя жизнь была мне почти неинтересна. Но теперь, как руководитель крупной компании, я решил в своём городе вместо сиротского дома построить Дворец Сказок. Все дети, у которых нет настоящих мам и пап, больше не будут чувствовать себя обделёнными. У них будет всё!

И знаешь, когда я взялся за этот проект, мне стало безумно интересно жить! Ведь теперь я жи-

ву не просто сколачиванием капитала. Теперь я живу созданием сказочного Дворца для детей! Спасибо тебе за то, что умеешь срывать с человека его стереотипное сознание!»

Добрыня

... Она вдруг услышала, как перезвоном ручьев заговорила ночь. Где-то в царстве осиротелого льда случилась маленькая победа! На месте сиротского дома будет построен сказочный Дворец! Будет построен, потому что этого захотел человек с большими возможностями большого, вовремя разбуженного сердца! И это ли не чудо, когда великаны, случайно затворённые в карликовое сознание, вдруг снова обретают облик великана, чтобы разглядеть маленьких, незащищенных. Разглядеть и с великой щедростью одарить их! Если бы в каждом городе появлялось по одному такому великану Добрыне, с каким счастливым сиянием плыла бы во Вселенной наша планета Земля!

«Карлик, который ростом чуть выше светильника, смотрит на меня аккуратно развешанными глазами». Представляешь, я сам себе показался таким вот карликом. Я был напыщенным фазаном. Я был весь обвешан перьями своего высокомерия. Обижал людей. Особенно тех, кто от меня хоть в чём-то зависел. И вдруг случайно наткнулся на строки твоих писем в облака. Читал, не отрываясь. И вдруг понял, что я и есть тот карлик по имени Случайность. И я стал просить прощения у всех, кого обидел. И представляешь, стал расти в собственных глазах, только уже по-другому. Без фазаньих перьев самодовольства. По настоящему сильный тот, кто силой своей умеет не обидеть, а приподнять!»

Скромный Павлин

... Вот и не стало еще одного карлика по имени СЛУЧАЙНОСТЬ!

22. ВОЛШЕБНЫМ ПЁРЫШКОМ ПРЕОДОЛЕНЬЯ

... Как-то незаметно от зимней картины в окне вдруг повеяло почти летним зноем. На очередном обходе врач подошел к Данке и улыбнулся:

— Дана Горожанкина! Твоя мама пришла в сознание!

Если бы кто-нибудь когда-нибудь спросил у неё, как выглядит счастье, она обязательно сказала бы: «Счастье — это мама, открывшая глаза! Счастье — знать, что она возвращается к жизни».

Спрашивать что-либо про себя Данка боялась. Но Леонид Константинович как бы чувствовал её вопрос:

— У тебя, Дана, ухушений не наблюдается. А отсутствие ухушений — чем не улучшение!

— Танча, — спросила она потом свою, теперь уже можно сказать, подружку, — а тебе не кажется, что твоя мама давно уже ищет тебя и места себе не находит? Не слишком ли жестоко выглядит твоё молчание?

— А с чего ты взяла, что я молчу?

— Ну, твоя мама же не приходит к тебе, значит, не знает, где ты есть!

— Плохо ты обо мне думаешь! Папа Лидусика не зря снабдил нас ноутбуками. И я постоянно присылаю маме сообщения на сайт ночлежки. Просто я сообщаю ей, что живу сейчас на море у своей хорошей подруги. Просто истинное положение вещей отвлечёт маму от борьбы за возвращение нашей квартиры. А мне это надо?!

— И правильно! — сказала Лидусик, разбирая коробочки с конфетами. — Не всегда надо говорить ту правду, которая убьёт.

— Ты прямо как Лука из горьковской ночлежки. Помнишь, в пьесе Горького «На дне»? Лука примерно так рассуждал про ложь во спасение, — улыбнулась Данка. — А Сатин говорил, что всегда нужно резать правду-матку!

— Ни Сагиным, ни Лукой сыт не будешь, — шуруша коробками шоколадных конфет, сказала Лидусик, — давайте разбирайте! Кому трюфеля, кому шарики в кокосе, кому вишня в шоколаде! За лакомством о правде и лжи во спасение рассуждать легче будет!

— Умна ты, Лидусик, — собирая в пучок свои соломенные волосы, протянула Танча. — Передай мне шарики в кокосе!

— А мне трюфеля! — весело подхватила Данка.

— Терпеть не могу вишни в шоколаде! — скривилась хозяйка конфетного богатства. — Ладно, что поделать! Хотя у меня тут еще коробочка с «Raffaello» завалилась!

— Ага, — похрустывая трюфелями, сказала Данка. — Теперь мы как на Платоновском пиру. Кто читал, помните, друзья-философы приходи-

ли к Платону, размещались на матрасах на полу, ели, пили и философствовали, возлежав!

— Кайф! — с наслаждением произнесла Танча, собирая в ладонь кокосовые стружки, и, посмотрев на Лиду, неожиданно спросила:

— А ты просто баловалась или конкретно от «белого» зависела?

— Надо ж было так конфетный кайф испортить, — поперхнулась Лидусик. — Баловалась, конечно! — и добавила с грустным вздохом, — пока с сосной не столкнулась. Всю ночь на клубной дискотеке, потом — с горы на лыжах... Дурь моментально выбило. Ничего кайфового, кроме конфет, ни в жисть теперь пробовать не стану!

— Я тоже, — проронила Танча.

— Ладно, девочки, — сказала Данка, — вот про это — каждый в свой экран расскажите, чтобы весну не испортить!

— Вот и поговорили про ложь во спасение и про правду-матку... — то ли с огорчением, то ли с облегчением сказала Танча. — Даже голуби с карниза улетели...

— Это оттого, что мы им конфет не покروшили, — шутиливо заметила Лидусик.

— Не хандрить! — весело приказала Данка. — Фламинго Луны сказку про «Пёрышко огня» прислал! Читаем?!

— Читаем! — воскликнули конфетные лакомки и притихли над своими коробками.

...За печной дверцей тихо догорали угли. Их пыл угасал. Ни одному из угольков уже не хотелось выбросить в осыпавшийся пепел хотя бы единственную стрелку огня. И вдруг на одной тлеющей головешке вспыхнуло голубое перышко. Оно стало колыхаться, освещая темные своды печи. Стало вздывать пушинки золы на колоснике. Потом обнажило пару ярких угольков... Оно походило на вызов всему, смиренно отживающему...

— К чему это? — заворочались раскрасневшиеся угольки, глядя на головешку, — ведь и тебя сейчас не станет...

А головешка с новой силой выдохнула перышко огня:

— Пусть не станет... Но пока еще во мне горит воспоминание об одной птице... Она кружилась в моих листьях. Она была вся из таких вот прозрачных перышек... И летала птица, представьте, с

воздушным шаром. Она держала его за ниточку в клюве... Случилось это в сосновом парке, прямо за домом моей жизни. Дети, впервые увидев такую необыкновенную птицу, захлопали в ладоши и стали объяснять ничего не понимающим взрослым:

— Смотрите, ее прислало к нам солнце!

Взрослые, привыкшие, как всегда, не верить своим глазам и куда-то спешить, тянули за собой упирающихся детей. Подальше от невиданной птицы. Ведь они все равно считали, что птица — это только видимость, зрительный обман. Но, несмотря на свое неверие, они все же иногда останавливались и, поворачивая головы, тоже непроизвольно улыбались птице.

Дети тем временем угощали ее своим печеньем и играли с ее воздушным шаром. Шар походил на летающее солнышко и даже умел согреть малышам забнувшие руки...

Птица заворожила всех. На ворон и воробьев в этом парке уже никто не обращал внимания. Голодные и злые, они подкараулили однажды виновницу своих бед. И как ни оберегала та свой воздушный шарик, проклюнули его. Расклевали шарик на лоскутики... С той самой минуты птица растворилась в небе осеннего парка. Ничего сверхъестественно-злого в этом поступке завистливых птиц не наблюдалось. Ведь по сути своей, есть хочется всем. И хочется, независимо от того, гадкие ли это вороны или таинственная птица с воздушным шариком в клюве.

Скрывая свою печаль, дети кормили ворон и воробьев. И объясняли взрослым, что их птица улетела за другим шариком, за другим солнцем. И на зиму обязательно принесет его сюда. Ведь с двумя солнышками зима станет теплее...

...Зола давно уже запорошила колосник. А перышко огня все горело. Казалось, под осыпавшимся пеплом уже не скрывалось ни одного горячего комочка. А перышко огня все горело... Но вот из-под груды пепла выбрался единственный уголек с золотой прожилкой. Единственный, кому удалось дослушать сказку до конца.

— Постой! — сказал он все еще светящейся головешке. — Мы исчезаем. И ты. И я. В чьей памяти сохранится сказка?

— Ее сбережет печь, — ответила головешка, едва озаряясь фитильком голубого перышка.

— Что толку? — вздохнул уголек.

— Толк есть во всем. Наутро хозяйка разбудит

печь новыми поленьями. Огонь загудит и расскажет ей эту сказку. А хозяйка расскажет ее своей маленькой дочке. А дочка обязательно найдет чудесную птицу. Да, и научит ее носить ниточку с воздушным шаром.

И другие дети снова начнут смеяться при виде птицы и хлопать в ладоши. А это так важно, когда счастливое обновляется...

...С такими словами головешка и до последнего мгновения не покидающее ее перышко огня рассыпалась в мягкий серебряный пух.

Воцарилась темнота. Но зато до самого утра хранила печь не остывающее тепло. И, свернувшись серебряным калачиком, спала в этом тепле сказка. Сказка, некогда брошенная в темноту всего лишь перышком огня...

...Мой чудный, мой необыкновенный человечек! Не забывай искать свою сказку! Искать во всем: в камушке на дороге, в листке, упавшем с дерева, в цветке, в птице... Смотри и слушай, что тебе рассказывает мир. И когда мир на минутку потемнеет в твоих глазах, к тебе вернется твоя сказка. Вернется и научит преодолению!

23. ДЕВОЧКА С СОЛНЕЧНЫМ ЗОНТИКОМ

Письмо 16

4 марта 2001 г.

Здравствуй!

...Твоя растерянность перед жизнью пытается выдавить из тебя крик.

— Мне холодно, — кричит человек, ежась под раскаленным солнцем, — страшно холодно...

— Чокнутый, — глядя на него, говорили люди и проходили мимо...

И лишь одна маленькая девочка, держа над головой прозрачный солнечный зонтик, подошла близко и спросила:

— Почему тебе холодно? Ты страдаешь?

И человек, забыв, что перед ним всего лишь ребенок, стал объяснять взрослые вещи:

— Я страдаю, потому что слишком близко к сердцу принимаю высказывания и поступки других людей. Ведь они находятся вне моих возможностей...

— А что такое ВНЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ? — спросила девочка.

— Это значит, что я не могу взмахнуть рукой и сотворить чудо. Незащищенному построить крепость... Одиноким затворнице устроить фейерверк из доброжелательных и веселых людей... Разуверившись в людях отшельнику послать вереницу людей, несущих в ладонях свои искромлетные сердца... Это и есть ВНЕ МОИХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ...

— Странно, — покрутила зонтиком девочка. — Тебе холодно, потому что ты все неправильно понимаешь... Все, что ты называешь ВНЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ, вполне возможно. Иногда достаточно просто ПОЖЕЛАТЬ. Да-да. Незащищенному пожелать защиты. Одиноким послать чудесное общество. Всего лишь мысленно. Достаточно мысленно! Взять и пожелать...

Не знаю, где я видела этот разговор между девочкой с солнечным зонтиком и человеком, кричащим о том, что ему ХОЛОДНО... Но где-то видела...

Потом я нечаянно перелистнула страницу заката и побежала за своим воображаемым человеком. Золотые часы на стене леса пробили время Солнцепада. Скатилась в сырые ложбины минутка-янтаринка. Гулкая полоса света обрушилась с дремучей сосны на бледно-розовые кружева папоротников...

— Мне нужно найти свою минутку-янтаринку... Не знаешь ли ты, папоротник, куда она закатилась?

— Этого тебе никто не подскажет, — сделал дремучие брови, ответил папоротник.

— И даже он, мой человек из Солнцепада?

— И даже он... — прошепел поседевший от премудростей лета папоротник. — Вся беда в том, что вы, люди, безумно оглохли друг от друга...

— Что ты там шепчешь? — нагнулась я над слегка поржавевшими распилами листа.

— Вот и ты плохо слышишь, — прошепели скрюченные зазубринки. — Не спеши делать выводы. Может быть, ему труднее, чем тебе, потому что он пытается от тебя спастись... Ведь люди не могут, как мотыльки, лететь на огонь, обжигая крылья. Они, скорее, огонь затушат, но спасутся. Хотя и спасать-то им нечего: ведь крыльев у них нет...

Но я сказала:

— Я не верю тебе, напоротник, потому что на все ты смотришь ржавчиной. Я приду к тебе за советом весной...

... Я пробежала круг, и циферблат часов забросил меня в следующие сутки. Там снова сидел брошенный человек и, ежась под солнцем, кричал, что ему холодно. Девочка с солнечным зонтиком говорила:

— У тебя удивительная способность — отыскивать среди солнечных лучей самые холодные ... Давай то, что ты нашел, отсылать обратно, на Солнце!..

Скажи, ты улыбнулся? Ты нашел в себе немножечко силы, чтобы развеять этот временный мрак? Нашел?.. Тогда я сажусь рядом с тобой на камень у берега моря со свинцовым закатом и направляю свой взгляд на события текущей жизни...

24. СОБЫТИЯ ТЕКУЩЕЙ ЖИЗНИ

... События текущей жизни подтверждали, что весна разворачивается полным ходом. Медсестра Олечка как-то по-особенному смотрела на Леонида Константиновича. Он тоже едва заметно смущался, нарочито потирая острую бородку, чтобы скрыть от других лёгкие оттенки смущения.

— Ольга Николаевна! — говорил он сестричке как можно строже, — по-моему, вы не очень внимательны к нашим больным.

— Что? Как? — вытянулась в струнку медсестра Олечка.

— Посмотрите внимательнее! У нашей больной Татьяны Полянской сыпь на лице появилась. Татьяна Петровна! А вы, наверно, в детстве так и не переболели ни корью, ни краснухой...

— С чего вы взяли, Леонид Константинович? — потянулась за зеркальцем Танча.

— В вашей больничной карте сиих записей из детства не обнаружил. Судя по вашей карте, ваше детство началось с появлением в нашей больнице!

Всё это время застывшая стрункой в воздухе Ольга Николаевна наконец-то освобождается от напряжённого ожидания и смеётся:

— Так это же веснушки у неё на лице высыпали!

— Знаю, что веснушки, — встал спиной к окну Леонид Константинович, — но вот само качество этих веснушек настораживает.

— Что? — опять напряглась в струнку медсестра Олечка.

— Озорства в веснушках мало. Переутомленные сказывается...

— Какое переутомление, Леонид Константинович! — Её ярчайшей белизны накрахмаленный халатик просто задрожал от недоумения.

— Да, да, — подтвердил он, всё так же не отворачиваясь от окна. — Переутомляются от решения сложных мировых проблем. Ведь так, Татьяна Петровна? — и обернулся в сторону Танчи неожиданно.

Теперь у Танчи от недоумения волосы копной соломы на голове встопорщились. Она невольно переглянулась с Лидусиком и Данкой.

— Нет, Леонид Константинович! Никакого переутомления! Мы, как растения в горшочках, живём.

— Ну-ну, а вы что скажете, огненное сердце Данко?

— Дак, всё так же, рывочками по стеночкам, до туалета. Главное, чтобы хуже не было. Стекланных уток не переносу... — попыталась отшутиться Данка.

— Могут и стеклянные утки налететь, — опять нарочито сердито продолжил врач, — если предписания больничного режима нарушать будете.

— Да как нарушать! Мы ж не ходячие больные! — вытянула свою скульптурную шею из-под покрывала воодушевлённая общей весёлостью Лидусик.

— А вам, многоуважаемая лыжница-сосноборец, Лидия Гусельникова, советую особенно серьёзно отнестись к состоянию своей скульптурной композиции!

— Да что происходит, Леонид Константинович? — защebetала сестричка Олечка. — Девочки всё делают как надо: и лекарства пьют, и от перевязок не отлынивают. Какой же тут недосмотр с моей стороны!

— А про недосмотр, Ольга Петровна, вы мне сами потом скажете, если хотите на настоящего нейрохирурга выучиться. Даю вам два дня на разведывательную операцию. К восьмому марта доложите. В противном случае будете лишены праздничного букета ваших любимых роз!

Потом, быстро прикусив внезапно выскользнувший из бороды кончик улыбки, Леонид Константинович направился к выходу, буркнув уже в дверях устремившейся за ним сестричке:

— А вы, Ольга Николаевна, оставайтесь пока здесь и проведите воспитательную работу! Это мой вам настоятельный совет!

— Девочки, — опять расщепелась сконфуженная Ольга Николаевна, — ну, расскажите мне, что вы такого неправильного делаете?

— Да что вы, Ольга Николаевна! — одновременно воскликнули Танча, Данка и Лидусик.

— Так мне что, следить за вами?

— Ни в коем случае! — почесала под гипсовым воротником Лидусик, — доктор прикалывается! Разве не заметили, как он к вам неровно дышит! Возьмите вот тортик ореховый и Леонида Константиновича за чашечкой чая попробуйте. Может, расколется!

— Ой, девочки, что вы такое говорите! — совсем засмутившись, вылетела из палаты Ольга Николаевна.

— Фу, наконец-то, — выдохнула Лидусик, раскачивая свою конструкцию с подвешенной ногой. — Я думала, мой «бук» на животе под одеялом расплавится. А еще, не дай Бог, осмотр внеплановый вздумают произвести. Пусть лучше чай пьют с тортом вафельно-ореховым, а мы хоть поработаем. А то прямо на самом интересном месте прервали!

— На каком таком интересном? — доставая из-под подушек свои ноутбуки, насмешливо полюбопытствовали Данка с Танчей.

— Сны для «Чистоты небес» писала.

— Прочитай!

— Не-е-е! Мы договорились: писать и отсылать сразу Фесду. Он же сайт заполняет, а что посчитает нужным, молча Данке на доработку пришлёт.

— Так, девочки, — пальцами над клавишами зависла Данка, — чтобы доработок поменьше было, я вам уроки литературной учёбы давать буду.

Урок первый. Короткий. Учитесь переносить свои чувства на другие предметы. Небо, дерево, камень могут чувствовать всё то же, что чувствует человек. В целях качества художественности пользуйтесь ассоциативным мышлением: «Смотри, как дерево танцует на ветру!»

— А дальше? — спросила Лидусик.

— Дальше каждый своими деревьями займётся. И я тоже. Творчество должно научить вас радоваться тому, что несёт новый день!

25. МАЛЕНЬКИЙ, МАЛЕНЬКИЙ ОГОНЁК ПАПОРОТНИКА

Письмо 17

8 марта 2001 г.

Здравствуй!

В одной книге написано: «Я молюсь о том, чтобы научиться радоваться тому хорошему, что несёт в себе каждый новый день, и не заботиться о будущем, которое в руках Бога...»

Наверное, в той книге были правильные слова. Но я-то знаю, что неправильных слов вообще не существует... Ведь мы не можем сказать НЕПРАВИЛЬНАЯ МЫШЬ или НЕПРАВИЛЬНЫЙ ТИГР... Так же не можем сказать НЕПРАВИЛЬНАЯ ГРУСТЬ или НЕПРАВИЛЬНАЯ РАДОСТЬ...

Вот ты уже и не заметил, как вошел в водоворот печальных размышлений. И оказался где-то там. Где-то там оплывающие свечи сотворяли невиданной красоты восковой дворец.

Размышления представляли собой маленькие фигурки. Дворцовые дамы обмахивались огненными веерами. Шуты и брадобреи устало несли свои понурые лица. Там тоже кто-то кого-то любил. Но все пытались скрывать признаки этого чувства. А дворец таял на глазах... Все боялись чего-то не успеть... И не успели...

А вот моя подруга легко избавилась от разрушающих мыслей и эмоций. Она всего лишь нашла себе человека. И это оказалось самым важным лекарством от больного ума...

Она нашла, а я по-прежнему разговариваю с туманами и птицами. И кому-то мои откровенные разговоры — полет на головке одуванчика в неизвестную галактику... И кому-то — придорожная канавка, заполненная тем, что называется ВРЕД. Из канавы то и дело выпрыгивают вредные лягушки, вылетают вредные комары...

Каждая малость ПОХОЖЕСТИ — жалит!

Маленький, маленький Огонек Папоротника... Кто-то его перепрыгнет...

Кто-то раздует...

Кто-то склует.

И улетает, никем не изведанный,

*Маленький, маленький огонек папоротника
в потухшее бытие...*

Я жалуюсь страницам белых беспомощных лепестков, еще не знающих зрелости своей ягоды. Я жалуюсь, потому что не в силах что-либо говорить... Я думаю при этом, что сотворю воздушную подушку, на которую легко будет положить голову... Я так думаю, но на самом деле вместо легкости чьего-то нежного пуха сочувствия ощущаю рождение кованого сапога с тяжелой подошвой... Зачем-то приходят тени рыцарей в мое рассыпающееся царство... Зачем-то приходят... Приходят, чтобы поддеть мои слезы уверенностью своего сапога... Странные рыцари... Странно желающие добра...

КОГДА САПОГИ ЧУЖОГО РАЗУМА ДАВЯТ ЛЕПЕСТКИ ТВОЕГО ТОНКОГО МИРА, ДАВЯТ ТВОЮ ЗОЛОТУЮ ПЫЛЬЦУ, СУМЕЙ ПРОТИВОСТОЯТЬ ИМ! ПРОТИВОСТОЯТЬ ИМЕННО ТЕМ, ЧТО ТЕБЕ ДОРОГО!

...А солнце даже на закате остается солнцем!

Отправила. Теперь можно посмотреть, что там в почте. У Данки выработалось золотое правило: сначала выдать в экран свои свежие мысли и никем не раздавленные чувства. А уже потом смело встречать чьи-то послания. Недоброе — забудется. Доброе — даст новый прилив ощущений для нового письма в облака.

«Здравствуй, моя девочка с солнечным зонтиком!

Как вовремя ты спасла меня от надвигающейся катастрофы холода. Я чуть было не растаяла с любимой девушкой. Но посмотрел вдруг на неё сквозь призму твоего солнечного зонтика. Мы так долго и счастливо говорили. И, вместо разлуки, с нами произошло новое, такое тонкое и радостное узнавание друг друга!»

Филипп

Каждое светлое чувство в ответ — это ещё один маленький огонёк папоротника.

Жаль только, что среди всех собранных огоньков нет ни одного, похожего на Алекса. Ни одного — лично для неё созданного огонька...

— Данка! — тихонечко позвала её Танча, — а можно сказать: «Дождь ночует во дворе... Словно обиженный бродяга, лёг на скамейку и спит...»

— Можно!

— Это образ?

— Образ. И очень даже неожиданный.

— Ассоциируется с маминной ночлежкой?

— Ещё как ассоциируется! А ты письмо ей пишешь?

— Да...

26. ЯБЛОКО В КОРАБЛИКЕ

...Папа у Лидусика оказался человеком очень даже изобретательным.

Едва закончилось время положенного полуденного сна, в котором каждый не спит по своему, как дверь в палату стала скрипуче-медленно приоткрываться. Девчонки насто-рожались. Ведь ни врачи, ни санитарки так загадочно в палату не заходили.

— Девчонки, — прошептала Лидусик, — за нами кто-то следит...

Приоткрытая дверь призакрылась.

— Сквозняк! — сказала Танча.

Опять скрипуче-музыкально стала приоткрываться...

— Привидениям снотворного не досталось... — произнесла в свою очередь Данка.

Но тут в дверной проём протиснулся нос надувного кораблика с большим подмигивающим яблоком, тоже надувным. А рядом — приличная горка настоящих огромных яблок. Таких огромных, наверное, никто еще не видел.

— Ценный груз прибыл! — раздался голос из-за двери. А следом за голосом в палату вошёл папа Лидусика. Сначала он подталкивал кораблик носком ботинка в голубой бахилине, а потом потянул его по палате на верёвочке.

Кораблик был не меньше метра в длину, с дверцами в трюм.

— Яблоко приехало к вам в кораблике и привезло подарки от Весны.

Поставил кораблик на стол и со словами: «Не принимаю возражений, но уплываю на совещание!» — исчез.

— Ну, папка, ну, массовик-затейник, — весели-

лась Лидусик. — Сразу видно, что наконец-то у нас в стране запущена в строй фабрика детских игрушек! А мой папа её директор!

— Сестра! Сестра! — не сговариваясь, застонали болящие.

— Что случилось? — вбежала в палату раскрасневшаяся Ольга Николаевна.

— Яблоко в кораблике больничный режим нарушило и приплыло в полуденный сон, — капризно показала на стол Танча.

— Вообще не нарушило! — возразила Ольга Николаевна. — Полуденный сон как раз закончился.

— Тогда, пожалуйста, посмотрите, что там в трюме!

Ольга Николаевна с неподдельно детским азартом стала вынимать из корабельного трюма мягкие игрушки:

— Это черепаха.

— Моя! — протянула руки Танча.

— Это павлин.

— Мой! — сказала Лидусик.

— А вот дикобразик, какой милый...

— По мою душу! — сказала Данка. — Видно, как по мне соскучился!

— И кузовок...

— Игрушки четыре, а нас трое. И, чтобы мы не разодрались да еще больше не покалечились, — стала выносить своё распоряжение Лидусик, — одну возьмите себе! Подарки от Весны всё-таки...

— Тогда кузовок, чур, мой! И не отговаривайте! — засмеялась Ольга Николаевна

— А в кузовок яблоко положите!

— Не возражаю! На полдник молоко с булочкой!

— Замётано!

Письмо 18

— У меня 7 марта 2001 г.

Здравствуй!

Ты не знаешь, как выглядят победы маленького дня? Они стоят на крохотной шелковой дорожке и смотрят на тебя недоверчиво. Будто понимают, что у тебя не хватит дыхания бежать за ними... Да и куда можно бежать по крохотной шелковой дорожке?..

Шелкопряды на шелковнице. Шелест в шезлонге у шалаша. Шероховатость настроения. Мальши сбивает луну карагачевым прутом... А мальшка поднимает сбитую луну, кладет ее в свою прозрачную шляпку и гуляет вокруг клумбы: луна в шляпке! Не хотите взглянуть? Не хотите потрогать?

Нет. Никто не хочет взглянуть. Никто не хочет потрогать...

...Пестрая петунья окружила перевернутую лодку. Луна в шляпке малышки колдует... Вокруг старой растрескавшейся лодки вырастает сад. Сад красных петухов... Петуны, примулы... Куда-то идет поезд в другом пространстве незашифрованного леса... Лодка медленно поднимается... Вот уже всплески вёсел по небу.

— Куда ты?

— В Голубиную страну...

— Малыш! Малыш! Помнишь наш дворец из разноцветных стёклышек?. Помнишь... Стекает синяя полночь... Снилось сомнение... Снегири сияли в чайном ситечке. Снегири высматривали слона с синими перьями за ухом... Снег суетился в подземке метро. В каждом тупике — картины... Съезжают со стен, когда смеркается, когда суетится остановка в центре себя самой... Снилось сомнение в середине сомкнувшегося соцветия растения... В центре цветка звонил колокол... Сосуд с ситром взрывает стоп-кран... Стопка! Стопа за стопой мы следуем по слиткам смятенья... Стихает осьшь стеклышек с еще не сотворенного дворца...

Малыш! Малыш! Зачем был тот наш дворец, потерявшийся в снах столетий сандалового дерева?..

...Ты вырос где-то далеко... Наверное, ты был похож на мексиканский кактус под ногами мясистого страуса... Мы случайно встретились взглядами на перекрестке эвкалиптовой вечности. Я чуть поманила тебя пальчиком:

— Иди! Иди к моему павлину!

Но ты сел на перламутровую черепаху, выхватил спицы из рук дикобраза и поплыл по олеандровому морю...

Мы с павлином еще пять столетий высаживали потом перья в оранжереях блудниц и аскетов... Катались на галерах заезженного страха перед столкновением с возможностью неизвестного числа...

— *Иди! Иди к моей черепахе!* — сказал ты еще через два морозных градусника, через два прокипевших льдом столетия...

Но, воткнув последнее павлинье перо в трубу заскучалой котельни, я лишь беспомощно покачала головой:

— *У меня нет серебряных коньков...*

Зачем тебе эти ползущие по пескам радуги?

*Зачем тебе этот крен обманчивой яркости
и плоскости
располованной?..*

Дикое яблоко

одиноко плывет в размокишем кораблике.

Кому оно адресовано?..

В кошельке нищенки лежало пять одуванчиковых парашютов. И она могла подниматься высоко над плоскостью козырных тузов.

А в кузовке берестяничка лежало шершавое лето. Лето, со всеми победами маленького дня...

*...Колокольчики, отставшие от бубенчиков...
Звук, пробивший сонную мысль... Стрела, застрявшая в солнце...*

— Данка, а мне мама ответ прислала, — прошептала Танча, прижимая к себе мягкую черепаху. — Они сайт по ночлежке делают, и у неё теперь тоже e-mail есть!

— Вот так яблоко в кораблике! Поздравляю! — также в ответ прошептала Данка и ушла в свой сон, обнимая дикобраза.

Во сне она читала письмо от своей мамы...

27. МОРСКАЯ РАКОВИНА НЕ ПУСТА

...Морская раковина сияла в их ладонях.

— Понимаешь, она не пуста! — шурил глаза Алекс. — Маленькая Тень поселилась в её створках и таинственно там живёт...

— Интересно, а она нас видит?

— Чувствует! — сказал он, поворачивая раковину. — А ты о чем сейчас думаешь?

— Думаю, куда мы её поставим, когда налюбемся? Неужели обратно в песок?

— Вернём на место...

— Так просто, подержали в ладонях, полюбовались и оставили?

— А ты хочешь, чтобы у каждого момента существования существовало продолженье?

— Нет, просто кажется, что в ней остаётся частичка меня...

...Вдруг раздался треск, и морская раковина стала разламываться в их ладонях, рушиться и рассыпаться на крохотные осколки.

Данка проснулась среди ночи от невероятной боли. Словно весь её скелет разламывался на мелкие составные. Что-то похожее на крошащийся лёд... Как всегда среди ночи накатила волна страха. Нелепо всё. Зачем было появляться на свет, если ничего своего не успеть на Земле оставить?

Выпила сильное обезболивающее, достала ноутбук и стала лихорадочно отпускать в экран нахлынувшее состояние. Хотя бы еще какие-то чувства успеть отпустить в мир...

Письмо 19

8 марта 2001 г.

Здравствуй!

...Иногда мне кажется, что мы — всего лишь рыбы, живущие подо льдом. Каждый одиноко и молча включает свой ледяной фонарик. Прозвительный просвет льда. И все равно не грусти! Я — потерявшая все, говорю тебе, что в жизни еще существует некоторая возможность. Она необъяснима. ОНА — это не встретившиеся ТЫ и Я.

Встретиться сложно. Странный момент существования...

*...Ты знаешь, как задыхаются рыбы на песке?..
Меня нет, но я еще на что-то надеюсь... И, признайся, ведь ты тоже надеешься на что-то...*

...Не глотай небо. Не глотай океан Вселенной.

Это всего лишь ни в чём не повинная глина...

И в ней — наши с тобою сомкнутые пальцы...

Ты живешь на острове...

Я — помимо...

До свидания, мой хороший, мой солнечный. Я так счастлива, что ты слышишь мою душу и не гордишься реальностью...

А морская раковина не пуста. Ты знаешь, почему морская раковина не пуста?..

...То ли раковина притянула море и песчаную лагуну, то ли ещё что-то неведомое произошло, но наконец-то она получила то неожи-

данное письмо для себя! Это писал Гул Моря! Гул Моря отдалённо напоминал Алекса. Но только очень отдалённо. И он писал именно ей. И не говорил ни о каких проблемах. И хотел общаться только с ней.

Она соединила строки его письма со своим следующим посланием в облака.

28. ТАК ПРИШЁЛ ГУЛ МОРЯ

Письмо 19

9 марта 2001 г.

Здравствуй!

...Знаешь, когда я однажды расставляла фарфоровые статуэтки на скале, ко мне пришел Гул Моря. Пришел и стал со мной говорить. Сначала я не особо к нему прислушивалась. Глядя на свинцовый закат, я мечтала о встрече с настоящим миром прекрасного человека. Расставляла фарфоровые статуэтки и мечтала:

— Такой красивый мир носит в душе человек. И я думаю, неужели есть такой человек в реальности? Неужели есть кто-то, кто всеми оттенками и бликами совпадает с невидимыми узорами на холсте нерожденной картины...

Гул Моря на какое-то мгновение замер, а потом, словно поймав главную ноту мечты, неожиданно вступил в разговор:

— Я часто думаю об этом... Знаешь, художник может создать что-то настоящее, если только он станет Им, сольется с той Любовью, что не здесь и сейчас, а с той, что всегда... И если на своей картине он даст Ей окно в мир, то все невидимые блики и тончайшие узоры его творения будут отражением его души, самой ее сути...

И порой бывает так интересно находить в людях что-то мимолетное, то, что живет лишь в твоей картине, это так необычно, что даже немного теряешься, а потом просто радуешься, как при встрече с очень близким другом... Но быть ВСЕМ, САМОЙ СУТЬЮ твоей картины, знаешь, я уверен — такое бывает только раз. Ибо художник и его творение приходят в мир вместе, чтобы найти друг друга. Однажды. Потому что им обоим нравится эта игра. Найти. Встретиться. И вновь стать тем целым, чем они были, есть и будут всегда.

Наверное, все это лишь сон... Но в этом сне мы вместе — Ты и Я.

Где-то там...

Где-то там. В нашем мире, в биении наших сердец. Приходи ко мне чаще...

Я буду ждать...

Я пыталась ощутить этот таинственно мыслящий Гул Моря. Но он был неосязаем. И я сказала ему:

— Какая красивая сказка: «Приходи ко мне!» А правда, приходи! Вот только море в этой безлюдной Москве находится в небе, оно перевернуто. И вместо волн — дождь. До хруста на изломанную душу. Дождь. И «Сто лет одиночества». К тебе тыщи ступеней... Как пройти?..

Гул Моря размышлял в ответ. Размышлял совсем как настоящий человек:

— Дождь, до хруста на кровоточащее сердце, как это знакомо, и за окнами опять свинец в Небе. Холод одиночества, но что-то теплое, незримое и такое доброе нежно шепчет — «не грусти, Малыш! Все будет хорошо! Обязательно! Ты вспомни о своих крыльях, ведь серость Неба — всего лишь иллюзия, такая реальная, что почти все слепо верят в нее. Но ты же помнишь, что стоит лишь расправить свои белоснежные крылья и подняться над облаками, и ослепительное Солнце вновь улыбнется Тебе, своему сыну. И Маленький Принц задорно прокричит тебе из синевы поднебесья — ну что, кто вперед до того пушистого облачка, неторопливо плывущего вон там, слева?» Да, «... ищи и не сдавайся, и ты найдешь...»

Перевернутое Море... Пустыня среди стольких людей, капли холодного дождя, обжигаящего кожу, но тот родной и такой далекий берег зовет, как таинственный мираж перед глазами, закрываю глаза, шум прибоя, пена у ног, соль на губах. Все такое знакомое, такое родное и бесконечно дорогое где-то там, где мы за окном трамвая, все тот же маршрут, те же деревья, те же люди, спешащие кто куда, и никому нет дела, холодные, отчужденные лица-маски, и лишь изредка, встречаясь с кем-то глазами, я вижу в них понимание — и легкую улыбку в ответ. Становится так радостно и тепло от этого короткого взгляда (не)знакомого человека, и мы на миг улетаем с ним в наш мир. Нет, мы не одиноки! Надо просто

научиться видеть эти капли света, в каждом ведь они есть. Мы — не пыль. Мы — волшебство!

...все тот же дождь вместо волн, все тот же голос, объявляющий остановку, все те же двери, все тот же людской поток, растворяющийся в ширине улицы и исчезающий навсегда. Я стою один, прислушиваюсь, и где-то в вышине тихий голос небесной птахи дарит мне свою волшебную песню, но из-за грохота несущихся мимо машин я на миг теряю ее и больше не могу найти, странно, но она есть. Это самое главное. Даже здесь. Надо только уметь услышать, что ж, пора идти...

Тысячи ступеней, помнишь, когда Маргарита уже отчаялась пройти этот путь, она просто взяла букет желтых нарциссов и вышла на улицу... она шла, не зная куда, такая одинокая, хрупкая и незащищенная перед холодом мира, но сама Судьба вела ее. И Мастер заметил ее цветы, этот безмолвный крик, беззвучным эхом замирающий в отзвуках осени. Он подошел, и путь рассеялся как дым, впереди была новая дорога длиною в вечность. Чайки обязательно находят друг друга. Они созданы для этого.

Твои шаги прозвучат беззвучно, как Восход... Так же неповторимо, таинственно и загадочно. Просто присядь рядом и посмотри мне в глаза...

— Я давно не видела глаз... — сказала я Гулу Моря.
— Почему? — удивленно спросил ОН.

Я решила не отвечать. Иногда я не люблю вопрос ПОЧЕМУ...

Я постаралась начать о другом:

— Говорят, чтобы узнать человека...

Нет, иногда достаточно услышать гул... Просто услышать гул...

... Знаешь, Гул Моря ушел. А фарфоровые статуэтки почему-то посыпались со скалы.

Кто-нибудь внизу поднимет их и поселит жить в диковинный коралловый сад...

И какая-нибудь морская черепаха станет счастливой владелицей этих фарфоровых статуэток, этих таинственных отражений сквозь стену стеклянной воды...

Не спрашивай меня, как можно владеть отражениями... На этот вопрос я тоже промолчу...

Когда у тебя совсем никого нет, позови Гул Моря. И он придет.

Должен же кто-то входить в хрустальное затворничество. Должен же кто-то продолжать открытие ОТРАЖЕНИЙ...

29. ЛОШАДКИ С РЫЖИМИ КРАСКАМИ

— Девочки! Градусники! Ставим градусники! — слышала она сквозь сон голосок Ольги Николаевны. А в приоткрытые глаза вошёл надувной кораблик со смешливым яблоком...

— Гул Моря! — неожиданно для себя проронила Данка.

— Что? Какой гул моря? — встряхивая градусник, наклонилась над ней Ольга Николаевна.

— Да это я так, на кораблик глядя, — отмахнулась Данка.

Медсестра, конечно, поверила, что это Данка так сказала, со сна на кораблик глядя. А вот девчонки тут же смекнули, что здесь что-то не так...

— Колись, — хитренько скривилась Лидусик после того, как Ольга Николаевна, раздав градусники, вышла, — с каким Гулом Моря сегодня встречалась?

— Да ну, всё как обычно, — почему-то засмузилась Данка.

— За-ли-вай! — подозрительно интригующим голосом протянула Танча. — У тебя на лице всё написано!

— Лучше письмо от мамы из ночлежки прочитай! — попыталась отговориться Данка.

— Чур! Не переводить стрелки! Письмо от мамы я позже прочитаю. Или вообще не прочитаю, пока не скажешь, кто такой Гул Моря!

— Кто-кто... — проворчала Данка, — похоже, что я своего человека встретила! Не улыбайтесь конфетно. Это не Алекс!

— А вдруг!.. — прозвенел Лидуськин голосочек. — Подобие Алекса — уже здорово!

— Девочки! Градусники, градусники! Показываем температуру! — засуетилась Ольга Николаевна. — Готовимся к обходу! Сейчас Леонид Константинович придёт!

Леонид Константинович вошёл боком, держа руки за спиной:

— Татьяна Петровна! — загадочно посмотрел он

на Танчу. — Вам на адрес больницы посылочка пришла! Наверно, к Восьмому марта?..

От неожиданности Танча бы точно подпрыгнула, если б могла подпрыгнуть:

— Вроде некому мне посылочки слать... — сказала она и сразу поникла. — Разыгрываете, Леонид Константинович?..

— Никаких розыгрышей! Вот свёрток: «Танюше от Александра». И... оп-па! Картина! — сказал он, с ловкостью фокусника высвобождая из-под вороха бумаг картину в серебристой рамке. — Какие у нас лошадки с рыжими красками! Три лошадки. Наверное, это намёк на то, что совсем скоро наши Таня, Лида и Данка будут прыгать, словно эти лошадки... И гвоздик на стене для картины готов. Сейчас повесим.

Едва картина с рыжими лошадками оказалась на стене, как в палату втиснулся чуть ли не весь класс Лидусика. Впереди был невысокий крепыш с телевизором в обнимку:

— Лидочка, мы тебе вот телевизор принесли! Сейчас в «Экране дня» наш «капустник» показывать будут!

— Вот, — развёл руками Леонид Константинович, — не нейрохирургия, а прямо цирк какой-то с лошадками и телевизором! Поболеть людям спокойно не дают! Ладно, смотрите свой «капустник», а нас с Ольгой Николаевной куда более серьёзные больные ждут. — И уже из-за двери добавил: — Порядок соблюдать!

Танче, конечно, было не до «капустника» в телевизоре. Она всё глаз от картины с лошадками отвести не могла. И всё повторяла, копясь в памяти: «Кто же такой Александр?»

— А может, Фесд? А может, Фламинго Луны? — гадала Данка. — Мы же не знаем, как их на самом деле зовут. Но картина написана профессионально. «Самобытно!» — сказала бы моя мама.

— Не переживай, скажет еще! — уловив момент Данкиного состояния, попыталась подбодрить её Танча. — Я с тобой письмами своей мамы поделюсь!

Данка благодарно кивнула и уткнулась в одеяло.

— Внимание! Наш «капустник»! — закричал класс Лидусика, и все уставились в телевизор.

ГЛАВА НЕ ИЗ ЭТОЙ ЖИЗНИ

Пока Лидусик с классом развлекались на тему

«капустника» по телевизору, Танча перекинула Данке главу из маминой книги про ночлежку. Главу и предварилочку.

«Доченька, ты особо не реагируй. Пока у тебя всё хорошо, держись этого ХОРОШО. Хотя сердце моё чувствует, что всё не совсем так. Что-то ты недоговариваешь, что-то скрываешь. Но если ты хочешь, чтобы я верила в твоё море и тебе так легче, считай, что я верю. Тебе очень хотелось узнать про жизнь в ночлежке, я пересылаю тебе очередную главку из книги, которую сейчас пишу. Именно она касается вопроса, где в момент бездомья родителей необходимо разлучать с детьми. Такие несовершеннолетние пока у нас законы.

Но я думаю, законы со временем тоже можно поменять, если люди не будут равнодушны к собственной жизни... Ладно, прочитай пока мою знакомую с дочкой. Не знаю, когда получится опубликовать книгу, но думаю, что опубликую. Правда, сначала надо её дописать. И главное — выжить!»

ДАМА В ШЛЯПЕ С ШИРОКИМИ ПОЛЯМИ

...Такой я ее первый раз увидела и такой запомнила. Наташа Гранковская. Она сидела в кабинете Анны Ивановны, вся утонченная, изящная. Черная шляпа с полями. Черный плащ. На лице — аристократическая бледность. Ее речь была болезненно-неспокойной. Сбивчивый рассказ о том, как ее двенадцатилетняя дочь написала письмо президенту Путину. После всего случившегося девочка не знала, как спасти себя и маму. И наивным умом ребенка она подумала, что если самый главный человек в стране — президент, то он и поможет наказать бандитов, которые на ее глазах убивали маму, а потом ей самой «откручивали» голову. Как потом их выбросили умирать на улицу... Ей все случившееся казалось чудовищным.

И девочка думала, что откроет президенту страшную правду. Правду о том, как бандиты уничтожают людей и забирают их квартиры.

Ее худенькая мама... Это было куда страшнее, чем в фильмах ужасов... Ее хрупкую маму повалили на пол и стали пинать ногами. В нее втыкали нож. По лицу мамы бежали струйки

крови, одежда намокала бурными пятнами... Все это на глазах у девочки. А потом уже обезумевшей от боли матери показывали, что будет с ее дочерью, как ей открутят голову.

Тогда она поняла, что в жизни совсем не так, как в книгах и в кино. Что в жизни на крики о помощи не прибегают соседи, не останавливаются у окон прохожие и не вызывают милицию.

Девочка поняла, что в этой жизни нет законов, защищающих человека. Особенно тогда их нет, когда сильные отбирают квартиру у слабых. Она думала, что президент страны обо всем этом не знает, и поэтому написала письмо...

Наташа с дочерью приехала в Москву по просьбе престарелых родственников. Это были близкие родственники. Даже девичья фамилия Наташи была та же, что и у них. Родственники были тяжело больны, и ухаживать за ними было некому. Долгое время за ними ухаживала Наташа со своей маленькой дочкой.

В благодарность на Наташу переписали квартиру.

Когда старики ушли из жизни, квартира стала законной собственностью Наташи и ее дочери. Там они были прописаны. Там жили. Правда, спокойно жить не давали, потому что теперь объявились другие претенденты на жилплощадь.

И если прежде помогать больным старикам было некому, то теперь, когда освободилась квартира, на нее нашлось много желающих.

Наташу стали третировать. Не выдержав нервного напряжения, она попала в больницу и пролежала там месяц.

Когда вышла из больницы, то оказалось, что и она, и её дочь уже выписаны из квартиры, а сама квартира является теперь чужой собственностью...

Ей даже документы не вернули. Ни у дочери, ни у нее нет никаких свидетельств о том, что они вообще живые люди. На то, чтобы их восстанавливать, посылать запросы, у нее нет уже ни здоровья, ни сил. Дочь думала, что мама сама ничего не делает, чтобы восстановить справедливость, вернуть квартиру, как-то помочь себе и ей.

Но, сходя вместе с мамой в комитет социальной защиты, поняла, что ошибается. Там ясно дали понять, что мама своими хождениями уже всем надоела, что никто не будет им помо-

гать — ни посылать запросы, ни восстанавливать документы.

— Это людоедская страна, — сказала девочка, уводя маму из того места, где людям должны помогать. — Здесь ненавидят детей... Почему я не могу жить в приюте вместе с тобой? Кто придумал такие законы, что нас должны разлучать, что я не имею права жить вместе с мамой? Только людоеды могли придумать такое...

Наверно, в чем-то она была права. Ведь ни президент страны, ни комитет соцзащиты не стали защищать ни ее, ни ее маму.

...Аристократическая бледность в лице. Черная шляпа с полями. Черный плащ.

И пока она будет просить о помощи в гостинице для бездомных, девочка будет ждать за воротами, потому что детям сюда нельзя. Несовершеннолетнюю дочь не имеют права поселить вместе с матерью.

Да и чем она докажет, что она вообще мамина дочь?.. Чем докажет, что она вообще живет на свете, что у нее есть имя и фамилия, что по ее жилам течет настоящая кровь, а внутри ее тела бьется живое сердце. Что сердце больно сжимается от беспомощности мамы и несправедливости вокруг.

Сердцу больно, а маленькому телу холодно от того, что ветер, оттого, что снег. Оттого что в этом огромном бесприютном городе им с мамой вместе некуда войти...

«Доченька, я знаю твою впечатлительность и очень не хочу, чтобы душа твоя страдала. Но жизнь жёсткая и жестокая, если ты хотя бы по какой-то нелепой случайности вышел из своего круга и оказался на ступеньку ниже. В самой нижней черте социума. Здесь особенно тяжело придётся грести руками и ногами изо всех сил. Но главное — никогда не верить в то, что временно с тобой происходящее — это и есть твоё на всю оставшуюся жизнь. Наша жизнь будет другой. Мы сумеем выстоять и победить. Я уверена, что и Наташа с дочкой, о которых я пишу, тоже сумеют добиться справедливости. Просто здесь очень важно, когда люди действуют вместе. Поэтому сейчас я и пытаюсь объединять людей. И про то, как мы живём, пытаюсь менять жизнь, я и пишу книгу. Я верю, что не случайно со всех своих высот свалилась в ноч-

лежку. Ведь кто-то должен был грамотно рассказать об этих людях. И, наверное, Бог выбрал меня, чтобы вместе со всеми помучиться... И так нечаянно получилось, что и тебя заодно. Но я надеюсь, что он будет милостив и весь этот кошмар тебя не коснётся так сильно».

Дочитав главку из будущей книги Таниной мамы и кусочек письма, Данка молча закрыла свой «бук» и откинулась на подушку.

— Ну, ты что? — встревожилась Танча.

— Ничего. Давай немного помолчим.

Изрядно порезвившись в море эмоций, класс Лидусика удалился, оставив в палате телевизор. Телевизор продолжал говорить.

— А ну его! Одни детективы! — выдернула Танча штепсель из розетки. — У нас своих дел полно, правда, Лидусик?

— Конечно, полно, — согласилась Лидусик, делая вид, что еще не освободилась от «капустниковых» впечатлений. — Разгадать надо, с кем это Данка сегодня ночью встречалась? А еще, кто рыжих лошадок Танче подарил?

— Не до лошадок, — сказала Танча свой «бук», — мне сейчас в моменты состояний для «Чистоты небес» заморачиваться надо. Фесд торопит. Вот, девочки, смотрите, момент такой. В подъездах и где угодно люди оставляют свои надписи: «Здесь был Вася» или «... Коля». Был и, значит, куда-то ушёл. А надпись на стене в палате смертников?

— Танча! — сквозь зубы сказала Данка, — напоминаю, не трогай жало змеи! Все эти вопросы — про себя. А вслух — вон лошадки в рыжих красках! — Потом на Лидусика посмотрела: — А ты не сердись, что мы «телек» выключили? Вроде впечатления от «капустника»...

— Ну, хватит мне капусту впаривать! — сказала Лидусик. — В конце концов, это нечестно. Краем глаза я всё видела. И краем уха всё слышала. Дайте и мне прочитать, что Танина мама про ночлежку написала!

— Есть! Сейчас перекину! Коли ты уже взрослая, читай!

Надо было видеть лицо Лидусика, когда она читала эту совсем незнакомую сторону переживаний. Глаза округлились. Брови сжались. Кожа на щеках и на лбу стала походить на пергамент.

— Ничего себе «капустник» с рыжими лошадами... Мне это всё надо переварить... до утра. А утром поговорим.

— А я пока маме отвечу, — сказала Танча.

— А я перенесу все впечатления в иную плоскость и навещу Гул Моря.

30. ВОРОХ ЛИСТЬЕВ С НЕОЧНУВШЕЙСЯ ГОРЫ

Письмо 20

10 марта 2001 г.

Здравствуй!

Представляешь, наивные лошадки в разные стороны растаскивают мою жизнь. Они так забавляются... Много рыжих лошадок на берегу моря.

Я пригоршнями собирала с золотого песка все, что они растаскивали и рассыпали... Они играли. Разве можно обвинять их за вихри солнечных грив, за копытца, разбивающие ямки в песке...

Сколько бы ни растаскивали твою жизнь, все равно пригоршню остатков еще можно собрать...

Я утешала себя этой мыслью и ждала...

Я чувствовала, что эти рыжие краски раскидал на моем берегу Гул Моря.

Я чувствовала и ждала...

А когда он приблизился, я заговорила первой:

— Конечно, я всегда знала, что ты — художник. Ведь когда я писала свои картины, я чувствовала, что чья-то еще рука придерживает кончик кисти... Одному невозможно понять краски... Все, что происходит по интуиции, это ТЫ. Ты и есть интуиция моей кисти и моих красок...

Просто ты живешь в состоянии СВЕТА, пока я живу в состоянии формы человека... Потом все будет наоборот... Ты обретешь ФОРМУ, а я стану твоим СВЕТОМ...

Хотя вокруг будет ползти другая, страшная жизнь.

Признаюсь честно, я даже не думала, что мой СВЕТ когда-нибудь отзовется...

Я бы очень хотела взять тебя в светлый сон, но мои сны сейчас тяжелые. Тяжелые, потому что я иду по черной горе...

Гул Моря понял, что пора говорить:

— И порой бывает так интересно находить в людях что-то мимолетное, то, что живет

лишь в твоей картине, это так необычно, что даже немного теряешься, а потом просто радуешься, как при встрече с очень близким другом... Но быть ВСЕМ, САМОЙ СУТЬЮ твоей картины, знаешь, я уверен — такое бывает только раз. Ибо художник и его творение приходят в мир вместе, чтобы найти друг друга. Однажды. Потому что им обоим нравится эта игра. Найти. Встретиться. И вновь стать тем целым, чем они были, есть и будут всегда.

Он сказал: «НАЙТИ, ВСТРЕТИТЬСЯ» — а сам куда-то исчез. Так исчезает все мимолетное. Ждешь его несколько вечностей, а придет — не успеешь ощутить...

Но, может быть, НАЙТИ и тут же потеряться — это лучшее, что можно придумать для следующего ожидания.

...Лошадки бросились в море и унесли с моего берега рыжие краски... Зато море опять сияло закатом. «Конечно, — думала я, — это все от лошадок...»

Но жизнь обрушивала на меня ворох листьев с неочнувшейся горы. Это был ворох переживаний из какой-то другой, уже взрослой жизни.

И я боялась этот ворох роишить...

31. О ТОМ, КОМУ ЧТО УГОТОВАНО

— Ой, какое утро золотое! — сказала Танча.

— Какое солнышко нарядное! — как можно громче, косясь на Лидусика, пропела Данка.

— Девочки! — шлёпнула своим игрушечным павлином по тумбочке Лидусик, — я же говорила, что до утра думаю. Я не забыла. Или вы хотите сказать, что вас абсолютно не волнует, что я думаю по поводу письма от Таниной мамы? Но даже если вы скажете, что не волнует, за мной всё равно остаётся право на высказывание. Будьте любезны выслушать и меня! Так вот. Я серьёзно думаю о том, что будет с каждым из нас после этой палаты.

— И что? — одновременно повернулись в её сторону Данка и Танча.

— Сейчас я серьёзно и без приколов, — повчерашнему сдвинула бровки Лидусик. — Слушайте и не перебивайте. Мне лежать дольше

вас всех. Сначала выпишут Танчу. И куда ты, Танча, пойдёшь после больницы?

— Ну, московская прописка в паспорте у меня осталась...

— Прописка твоя — это только штампик. Ты сможешь в этом штампике жить? Спать, в конце концов! Есть! Не сможешь!

— Ну почему?! — попыталась возразить Танча. — Я и прежде, даже в мороз, всю ночь ходила по улицам, пока не откроется метро. А потом садилась в метро на кольцевую и дремала...

— Сама знаешь, что это возможно лишь несколько дней. Жизнь на износ. Потом ты будешь брести по ночной улице, спотыкаться и падать. И остановится какое-нибудь авто. Не как в кино, где бездомные золушки всегда встречают принцев. Остановится рядом какой-нибудь лысый и пузатый хмырь и будет ползти следом на своей тачке и уговаривать сесть, и заговаривать благими намерениями твою бдительность...

— Ну ты что, провидица, что ли? — возмутилась Танча.

— Не надо эмоций! — спокойно сказала Лидусик. — Я однажды ссорилась с родителями и убежала из дома. И знаю по себе, какие неприятные, мягко сказано, сказки случаются в жизни, когда ты реально оказываешься на улице. Особенно среди ночи...

— И что, что знаешь?!

— Так вот. Пообещай мне, Танча, что, когда ты выйдешь из больницы и первым долгом навестишь свою маму в ночлежке, вторым долгом ты пойдёшь к моим родителям и вместе с ними будешь выручать свою маму!

— Я не привыкла кого-то обременять! — как можно жёстче попыталась изъясниться Танча.

— Без пафоса! И возражений не принимаю! — оборвала её Лидусик. — Теперь ты, Данка. Тебя выпишут чуть позже, чем Танчу, но всё равно раньше меня...

— Меня могут вообще не на этот свет выписать... — дала слабину в голосе Данка. — А если вдруг случится, что выпишут на этот свет, так у нас с мамой много знакомых художников и у них свои мастерские... Всегда можно где-то перекантоваться...

— К художникам придут друзья художников. Они будут пить водку, коньяк. Однажды тебе станет противно слушать их пьяные бахвальства

и ты согласишься выпить рюмочку-другую... И твоя жизнь тихо, но верно, покатится под откос...

— А ты что, оракул? Жизнь мою будущую видишь? — напуская на себя как можно больше твёрдости, спросила Данка.

— Давай без обид, — миролюбиво и мягко ответила Лидусик. — Ты тоже пойдёшь к моим маме и папе. И они будут помогать тебе, пока твоя мама поправляется. И помогать вам потом, когда она поправится. По существу, вы с мамой сейчас — тоже бездомные.

— Ты понимаешь! — голос Данки вдруг перешёл в глухое рыдание, — я, может, до всего этого не доживу... Я слышала... Врачи говорили, что мне жить полгода осталось...

— Это они вначале говорили, — не теряя самообладания, спокойно продолжала Лидусик. — Травма вначале и её последствия потом — не одно и то же. Вот увидишь. Словом, пообещай, что тоже пойдёшь к нам! И еще наши люди из Интернета! Их тоже нельзя исключать. Но они — хорошо, когда в домашнем уюте и за маминими пирогами собирать их...

— Я не смогу так, — погладила Данка своего мягкого дикобраза против колючек. А он даже не возмутился, что — против колючек.

— Если ты не сделаешь этого, я посчитаю, что все твои письма в облака — фальшь ущемлённой гордыни... Или что ты сама просто физически не доросла до своих писем... Меньше их. Как ненужная оградка перед крепостью...

— Что-то мне не по себе, — сказала Данка.

— И я не задумывалась о том, что будет после больницы, — сказала Танча. — Я подумаю до утра, ладно, Лидусик!

— И я, — сказала Данка.

ПАУТИНА В БРИЛЛИАНТОВОМ КОЛЬЕ

...Кто, когда и как успел украсить комнату небывалой композицией цветов, девчонки не понимали.

Когда Данка проснулась, Танча уже лежала с распахнутыми глазами.

— Вот это оранжерея! — приговаривала она восхищенно.

— И не просто оранжерея! — заметила Данка. — Приглядитесь, девочки, букеты со смыслом!

Букеты и в самом деле выглядели не просто. Центральный — из мимоз, с еловыми шишками на хвойных лапках, таил в себе какой-то смысл. На нём висела паутинка из серебряных цепочек с бисеринками росы. А в центре сверкал хрустальный паучок. Из композиции белых роз выглядывало личико принцессы в изящной короне на золотистых локонах. В окружении ромашек чуть дрожали гибкие прутки загадочного светильника.

— Леонид Константинович! Вы не знаете, кто это нам?..

— Представления не имею, какой волшебник взрослым девочкам такие сказки устраивает. А вы, Ольга Николаевна, не знаете?

— Совсем не знаю, — пожала плечиками сестричка и захлопала ресницами. В честь праздника её ресницы были особенно хорошо накрашены, а перламутровая пыльца на веках особенно мягко оттеняла глаза.

— Непорядок, Ольга Николаевна, — едва скрывая свое восхищение, сказал Леонид Константинович. — Прямо паломничество какое-то в эту больничную палату. А вы даже не знаете почему! Ведь творят что-то такое наши маленькие дамы... А вы — ни сном ни духом!

— Ничего не творят, — повертела головой Ольга Николаевна. — Они здесь просто от болячек лечатся...

— В соседней палате тоже лечатся. А вот что-то всяких разных подарков не пойми откуда туда не засылают... Ладно, отложим разгадку этой тайны на потом, а сейчас — осмотр! У кого есть паутины в бриллиантовом колье, прячьте подальше, да смотрите, чтобы подушка не жала!

Ольга Николаевна, конечно, ничего не поняла про паутину в бриллиантовом колье и, снова пожалвав плечиками, стала записывать за врачом дополнения к прежнему лечебному курсу каждой пациентки.

А Данка, не дожидаясь вечера, готовила для всемирной паутины новые бриллиантики своих ощущений...

По то, что гложило и терзало на самом деле, все деликатно молчали.

Письмо 21

12 марта 2001 г.

Здравствуй!

Мы сидим на берегу. Ты набираешь в ладонь песок и отпускаешь его маленьким ручейком во власть стихии. Исчезая, он рождает что-то в наших сердцах, просто чувство, странное, немного грустное, непонятное...

— Знаешь, — сказал Гул Моря, — а мне вспоминается та маленькая девочка с прозрачным солнечным зонтиком.

Мне кажется, я тоже где-то с ней встречался... когда-то... где-то... уже не вспомнить... да это и не важно... А помнишь, какой у нее красивый белоснежный бантик? И какие глаза!

Гул Моря. Я посмотрела на него удивленно и сказала:

— ...Твои слова похожи на весточку из страны Забвения... Чей-то шепот над океаном:

«Знаешь, у меня кончается сердце... Почему так быстро уменьшается океан?.. Озеро-блюдце, ладошка воды, капля внутри листика манжетки... Где бывший океан? А где сама земля? Кажется, она обидела мой одуванчик...»

...Твои слова. И вот она, гора Сна, над мокрым лесом. У подножья проталинка, вход. Вход только через проталинку. А на самой горе огромные осенние листья... Помнишь, мы играли на ней в прятки?.. Нет, мы не прятались, мы только искали друг друга... Но листья были в рост человека и загораживали мир... Я только чувствовала, что ты где-то рядом и тоже чувствуешь, что где-то рядом я...

— Я есть... Нас разделяют всего два-три листка с золотистыми гусеницами...

Но мы теряемся... И ворох листьев сбрасывает меня с неочнувшейся горы... Я хочу снова забраться, снова искать тебя... Или хотя бы искать ощущение, что ты ЕСТЬ!.. Но проталинку затянуло ледяное окно... Гора исчезла...

...Огромная паутина закрыла то пространство, где была гора. Паутина нарядилась в бриллиантовое кольцо и сияла... Будто это ей выпало счастье отгородить от меня твою жизнь... Такую дорогую мне жизнь, без которой я не могла дышать...

Я оглянулась. С кем говорю? Никого рядом нет. И только девочка с солнечным зонтиком зачем-то гналась за золотой гусеницей... Странно, ЗАЧЕМ?..

В час полуденного сна все болящие работали, держа на животиках свои ноутбуки. И слышно было, как за дверью Ольга Николаевна испуганно шепчет Леониду Константиновичу:

— Они же не спят! Они нарушают режим! Это вредно действует на процесс выздоровления!

А в ответ — чуть насмешливый голос Леонида Константиновича:

— Ну, вот, Оленька, наконец-то вы сами узнали, о каком недосмотре с вашей стороны я говорил вам.

— Сейчас я всё это прекращу!

— Не надо! Раз девочки работают, значит, сдвинулись с критической точки! А это только здоровью на пользу!

Потом они оба отошли от двери, так и не заглянув в палату.

— Так будем упорствовать, или вы мне дадите обещание? — снова спросила Лидусик. — Вы понимаете, о чём я говорю.

32. ДЕНЬ НЕОЖИДАННЫХ ВИЗИТОВ

...Данке еще никогда не было так хорошо, как в этом изменившемся пространстве. В больничной палате она чувствовала себя своей. Если бы еще боль не накатывала время от времени да мысли о маме.

Леонид Константинович вошёл в палату просто так, без всякого осмотра:

— Дана, хотел тебя порадовать лично. Держи, вот письмо от мамы!

«Дорогая доченька! — писала мама. — Пальцы пока плохо слушаются, и я не могу написать много. Но коротко скажу: потихонечку иду на поправку. Уже не жалею о потерянных картинах. Новые напишу. И ты тоже не жалея обо всем, что случилось в нашей жизни. Обо всем, что потеряли — не жалея! Новое наживём. Главное, что мы живы и скоро опять будем вместе. Поправляйся скорей, ладно?!»

— А я своей маме материалы с её прежних радиопередач заказывала для «Чистоты небес». Нашла! Прислала! — порадовалась Танча.

— Так и не знает, где ты?
 — На море, у подруги!
 — Это не может долго продолжаться. Однажды она всё равно узнает.

— Когда узнает, тогда и думать будем...

Визит мамы Лидусика не был неожиданным. Её мама чуть ли не каждый день навещалась с пирогами и лакомствами. За всех мам сразу.

А вот следующий визит!

Парень, который вошёл в палату, был очень красивым. Первым делом он посмотрел на картину с рыжими лошадами, потом на Танчу. И без слов все сразу поняли, что это и есть Фламинго Луны.

— Девочки! Я вам сказку принёс. Проездом здесь на денёк...

Потом пришёл другой, не менее красивый парень. Только уже не к Танче, а к Лидусику. И всем без слов стало ясно, что это Фесд. И только к Данке пока никто не приходил. И она мысленно продолжала жить на той песчаной лагуне, где сначала был Алекс, а потом объявился Гул Моря. Смутную догадку она отгоняла от себя. Пусть будет хорошо то, что есть сейчас.

Вошла в «бат», а там — один за другим визиты — и в каждом Гул Моря. Писать в облака стало радостней и легче.

Письмо 22

13 марта 2001 г.

Здравствуй!

...Я не стала собираться долго. Просто взяла с собой горсточку слов и пришла на твой берег. Давно забытые понятия расселись на камушках, окружили нас и стали смотреть...

— Как ты выпустил погулять мечту? Как решил глазам улыбаться?.. Ведь люди давно забыли о многом...

...Маленькие вихри чуть позванивают золотой пыльцой...

— Видишь, это встретились наши ветры... Скажи, какой характер у твоего ветра? У моего... Нет, сначала ты скажи... Открой ладони! Зачем в них так много кузнечиков? Наверно, они спутали твои руки с горными ирисами?.. А знаешь, твои ладони пахнут спелыми сливами в полдень ... Ладно, пошли купать глаза в солнце!

В этот день Гул Моря был почти неслышен и говорил шепотом. В его шепоте я чувствовала волнение. Может быть, ему приснился взволнованный сон? Не удивляйся, Гул Моря тоже иногда видит сны. И они бывают тревожными и радостными. Все, как у человека... Но мне очень хотелось, чтобы Гул Моря ожил и обрел свой настоящий голос. Тогда я схватила его за руку, и мы пошли купать глаза в солнце!

Не забывай иногда купать глаза в солнце. Это очень полезно после взволнованного сна...

Ты пришла тихо и незаметно, чтобы остаться навсегда. И когда ты тихонько коснулась моего плеча, я уже знал, что это Ты. Я ждал Тебя. Хоть никогда и не встречал в этой жизни. Но на берегах океана фантазий, прилетая на крыльях Ветра Мечты, мы всегда были вместе. До того, как появилось Время. Так будет и тогда, когда оно исчезнет. Ты и Я. На берегу бескрайнего морского простора. Вместе. Держась за руки. Без слов. Твоя рука на моем плече. Я оборачиваюсь, и улыбка касается наших уст... Как долго мы не виделись!.. Целую жизнь... Целый миг в дыхании Вечности... Твои глаза смеются... Ты хочешь что-то сказать, но слова замирают, где-то в вышине храбрая чайка борется со стихией, не сдаётся.

В перерыве между письмами она думала над словами Лидусика.

Конечно, всё хорошо мечтается, пока люди рядом. Но стоит дорожкам разойтись — так жизнь устроена — всё забывается. И в этой забывчивости никого нельзя винить. Пока что так жизнь устроена. И если тебя лично не устраивает это «пока что» — изо всех сил, как можешь, меняй жизнь!

Письмо 23

14 марта 2001 г.

Здравствуй!

Однажды я не пришла к своему любимому месту. К той полоске под Закатом. Осталась дома просто смотреть на реальность облаков в окне. Я очень люблю этот яркий портрет неба...

И вдруг неожиданно услышала Гул Моря. Он сам нашел меня и стал говорить:

— Мы сидим на берегу, ветер играет твоими волосами, он такой озорник, наш ветер...

Я улыбнулась и тоже стала говорить. Иногда разговор заменяет жизнь:

— У меня очень короткая стрижка, совсем короткая, как у мальчишки. Но ты можешь меня воображать.

Гул Моря становился ощутимей:

— Я все еще не могу поверить в реальность всего происходящего, но золотая дорожка на воде шепчет — ты дома...

— Дорожка не ошибается. Девочка-Эхо на парротнике-олене соединяет пространство наших голосов, а поле видимости кажется беспредельным.

— Мы смотрим вдаль и видим там частичку себя, продолжение друг друга, улыбка твоих глаз в глубине горизонта, наверное, мой смех тоже где-то там, рядом, но ты не говоришь мне где...

Но и ты не говоришь, в одном ли городе мы смотрим на перевернутое море и раскрашиваем серую стену тумана и дождя. Напротив моего временного дома каждую ночь вспыхивают огни «Седьмого континента». Холодные огни. Глаза чуждой цивилизации. Даже ночью там, в стенах из стекла, гуляют люди с тележками. Они загружают свои тележки едой... И мне кажется, неужели завтра война?.. Иногда ночью я спускаюсь с зеленой горки и мысленно захожу в те стеклянные, важно раздвигающиеся двери. А в зеркале воды купаются затерянные мячики...

— Ты любишь играть...

— Играть, как перышки на костре. Вьются, играют... Они прилетели к огню дымчатыми растениями крыльев, а улетают ... теплом.

— Странно, почему люди забыли все это? Действительно многое, ты права... Но сейчас это не важно. Наша Вселенная открыла нам дверь, и мы здесь, вместе.

— Да, в дверях той действительности — Ричард Бах, Сент-Экзюпери, «Листы сада Мори», «Вино из одуванчиков» Брэдбери ...

— Маленькие забавные вихри, какие они смешные.

Наши ветры встретились, золотая пыльца их тихого звона, как красиво, не могу оторвать взгляда, но ты мысленно говоришь — «расскажи мне о своем ветре, какой он?» ...Я задумываюсь, правда, какой он? Разный, иногда тихий, иногда

могучий и своенравный, он любит просторы, ему всегда не сидится на месте, как бы я его ни просил... Он любит запах альпийских лугов и просто обожает резвиться на горных склонах, а потом немного отдохнуть в спокойной и тихой глади кристально-прозрачного озера, он любит просторы пустыни и шутя наводит ужас на одиноких кочевников-бедуинов, но, когда нужно, всегда им помогает, указывая путь к затерянному оазису... Мой ветер — вечный странник, друг чаек и Неба, он очень любит жить, но иногда ему становится грустно, ведь он совсем один, и тогда он отправляется в затерянные уголки Тибета, чтобы поговорить с Тем, кто создал его, попросить совета, а иногда и просто помолчать, погрузиться в холодное спокойствие гор и ослепительном свете палящего Солнца...

— Какой чудесный характер у твоего ветра... Это он оставил мне сегодня утренний подарок за аркой — лужицу в лепестках сирени...

— А еще он очень любит спелые сливы. От них веет добротой и нежностью, простым ветреным счастьем, надо его спросить, когда он слышал их в последний раз, наверное, это было очень давно, так что Ты пришла вовремя...

— А может быть... Нет, не стану продолжать. Просто характер МОЕГО ветра НЕ-ОБЪЯСНИМ.

И потом снова все погрузилось в тишину. И картина вечного неба в рамке окна... И один из уже знакомых мне ветров гнал по небу свои облака. Облака останавливались у моего окна и просили:

— Не забывай, что его руки пахнут спелыми сливами... Не забывай, что его ветер нарядил лужицу у твоей арки в колье из лепестков сирени... Ни одной ниточки из холста его тонких ощущений — НЕ ЗАБЫВАЙ!

— ...И всё-таки есть люди, от которых, казалось бы, невозможно ожидать поступка... — думала Данка о Лидочке. — А они умеют поступки эти совершать... Странно. Красиво. Обнадёживает.

А ЧТО ТАКОЕ ДОЛГИЙ ДОЛГ?

— На тему незавершённого разговора, — оторвалась от своего «бука» Данка, посмотрев на Лидусика. — Ты хочешь, чтобы мы с Танчей, пока слабые, чувствовали над собой твою власть и были у тебя в долгом долгу?

— И от кого я это слышу? — встрепенулось воронёное крыло стрижки, торчащее чуть ли не из самого гипсового воротника. — От горящего сердца Данко?

— Допустим, — сказала Дана, — но ты помнишь, что было потом? Как потом вышедшая на свет толпа топтала это уже никому не нужное сердце своего спасителя!

— А в современном мире, — продолжила Данкину мысль Танча, — есть свои законы. И хочешь не хочешь, а по этим законам приходится жить.

— Так и я про свои законы в современном мире, — погладила своего павлина Лидусик. — По моим законам вам не придётся жить в неплатном долгу. Иногда люди платят за уверенность. Вот мой папа сейчас занялся тем, что создал первую в стране чудную фабрику игрушек. Чтобы не китайские, ядовитые, нашим детям, а свои, отечественные, безопасные! Для моего папы это понятие долга и чести. Мы с мамой всё понимаем и не отговариваем его от осуществления своей мечты.

— Почему?

— Потому что если отговорить человека от осуществления своей мечты, он умрёт раньше, чем его физическое существо.

— Тогда что ты хочешь от нас?

— Знать, что у меня есть друзья. Я хочу, чтобы мои друзья стали сильными. И я могу помочь им, пока могу. Но всё в жизни переменчиво. Все знаем, как гибнут люди с идеями, бизнесмены и политики. Со мной и с моей мамой тоже всё может случиться. Но я буду знать, что мои друзья уже стали сильными и смогут помочь и мне, и моей маме. А если, когда беда случится со мной, мои друзья будут такими же беспомощными, они будут только страдать оттого, что не смогут помочь мне... Такой вот мой долгий долг... Надеюсь, он не будет для вас очень обременительным?

От неожиданного поворота мысли у Танчи

новенькие костыли сползли с койки и брякнулись на пол.

Данка попыталась поднять эти костыли, но от тяжести в спине неудачно облокотилась на стол и повалила надувной кораблик с яблоком.

А яблоко покатилося по основанию замысловато-праздничных букетов и покосило их, как шар кегли в боулинге.

И все разом засмеялись в знак согласия и примиренья. И потом разом открыли ноутбуки и ушли каждая в свой виртуальный мир. Хорошо уходить в мир виртуальный, когда в реальном — всё налаживается.

Письмо 24

15 марта 2001 г.

Здравствуй!

Это удивительно, но Гул Моря и я очень подружились. Гул Моря являлся мне то в образе мудреца, то мальчиком из сказки. А я вечно выливала ему свои признания. А что, разве это не важно, когда есть кому проливать свои ПРИЗНАНИЯ?..

И я признавалась:

— Конечно, я никогда не думала, что смогу разговаривать с Маленьким Принцем. Я думала, что он не вернулся с той своей маленькой планеты... Но, знаешь, есть такая башня Иллюзий на скале Ветров... И в ней встречается все ОЖИДАЕМОЕ... Когда-нибудь встречается...

Гул Моря вдруг сделал акцент на одной из прошлых фраз:

— Дождь... до хруста на кровоточащее сердце...

Просто сделал акцент и многозначительно замолчал.

— А в твоём сердце отчего происходит хруст?.. — спросила я его. И тут же мне показалось, будто наступаю на стебель подснежника... — Этот вопрос может показаться тебе грубым. Он может превратить в осыпь хрустальные замки, которыми мы выстраиваем свое небо. Но ведь мы только заслоняемся от того, что производит ХРУСТ... И я рискну задать тебе этот вопрос... Ведь иногда колокольчик легко превращается в колокол, зовущий на пожар...

Гул Моря по своим переживаниям напоминал мне человека. Человека, раненного в самую глубину...

— Как это знакомо... и за окнами опять свинец в Небе.

Перевернутое Море... Пустыня среди стольких людей, капли холодного дождя, обжигают кожу, но тот родной и такой далекий берег зовет, как таинственный мираж перед глазами, закрываю глаза, шум прибоя, пена у ног, соль на губах, все такое знакомое, такое родное и бесконечно дорогое, где-то там, где Мы, за окном трамвая все тот же маршрут, те же деревья, те же люди, спешащие кто куда, и никому нет дела, холодные отчужденные лица-маски...

Я почувствовала, как Гул Моря воплотился в одинокого прохожего на темной улице. И я должна была этого прохожего позвать:

— Человек! Постой! Скажи, ты случайно уронил маску?.. Нет-нет, не поднимай! Мне так больше нравится! Давай свернем с тротуара! Кто-то вымостил его масками каменных лиц... Кто-то закатал живые глаза в асфальт... Это невыносимо! Вон там зеленые огоньки в бутонах тишины... Вон там муравей-лунатик бороздит ночь... Мне очень хочется обнять твои плечи... Мне очень хочется тебе сказать... Нет, не сейчас... Еще дальше — аллея шелкопрядов, ну вот, вот тебя уже нарядили в зеленую шелковую нить... А дальше — боярышник и шелковник... Что там... Почему такое неподвижное яркое пятно, зависшее в воздухе?.. Бабочка! Да, она...

Как-то безжалостны дни и ночи...

Боль эту не пронести...

Мертвая бабочка на весеннем листочке...

Маленькая, прости...

— ...И лишь изредка, встречаясь с кем-то глазами, я вижу в них понимание — и легкую улыбку в ответ, становится так радостно и тепло от этого короткого взгляда (не)знакомого человека, и мы на миг улетаем с ним в наш мир, нет, мы не одиноки! Надо просто научиться видеть эти капли света в каждом, ведь они есть. Мы — не пыль. Мы — волшебство!

— Мы не пыль, мы — ВОЛШЕБСТВО, придавленное пылью... — немножко по-своему повторив его слова... И показала на лиственницу: — Ты не знаешь, почему так внимательно рассматривает нас эта белая Сова в лиственнице?..

... Но прохожий как бы продолжал выговаривать свое одиночество.

— ...Все тот же дождь вместо волн, все тот же голос, объявляющий остановку, все те же двери... все тот же людской поток, растворяющийся в ширине улицы и исчезающий навсегда, я стою один, прислушиваюсь.

— Постой, Человек! Задержись на минутку! Я хочу побыть с кем-то рядом... Я не могу одна слышать, как гулко, как громко раскрываются цветы розового шиповника... Ночь трещит по швам от их желания раскрыться... Оглушительные хлопки...

— И где-то в вышине тихий голос небесной птахи дарит мне свою волшебную песню, но из-за грохота несущихся мимо машин я на миг теряю ее, и больше не могу найти, странно, но она есть. Это самое главное. Даже здесь. Надо только уметь услышать, что ж, пора идти...

— Уже?.. А как же мы оставим эту цепочку раскрывающихся цветов? Они выходят в утро... Они тревожно и торжественно подчиняются нашим глазам. Мы тоже войдем в утро... Но чуть позже. Я очень бережно проведу тебя через все мосты недоверия... Через все арки случайно возникшего недоумения... Мне всегда так не хватало Человека... Понимаешь, так не хватало...

Видишь, фонтан на сквере замолчал. Стих... Он не случайно замолчал... Посмотри вверх, там, среди цветущих деревьев, преждевременно зреет один каштан. И все вокруг прислушиваются к тому, как он зреет... Как осмелился начинать жизнь прежде своих цветов?.. И от изумления стих даже фонтан...

— Тысячи ступеней, помнишь, когда Маргарита уже отчаялась пройти этот путь, она просто взяла букет желтых нарциссов и вышла на улицу, она шла, не зная куда, такая одинокая, хрупкая и беззащитная перед холодом мира, но сама Судьба вела ее... И Мастер заметил ее цветы, этот безмолвный крик, беззвучным эхом замирающий в отзвуках осени... Он подошел, и путь рассеялся как дым, впереди была новая дорога, длиною в вечность.

— Спасибо, что ты заметил этот желтый букетик нарциссов в моих растерянных руках.

— Чайки обязательно находят друг друга. Они созданы для этого.

— Они учились у чайки по имени Джонатан Ли-

вингстон... И поэтому находят друг друга в той высоте, куда уходят отчаянные одиночки ...

— Просто посмотри мне в глаза ...

— Я давно не видела глаз...

— Почему?

— Знаешь, изумрудную стрекозу легко испугнуть. И я ничего не буду рассказывать. Я просто буду смотреть, как всякий раз перерождаются твои глаза... Ведь ураган жизни легко сметает бутоны тишины... Ты будешь напротив, а злые вихри пусть остаются за моей спиной... Зачем впускать их в наш замок Снов?..

Может быть, кому-то, случайно вошедшему в Гул, не понять, к чему эти обрывки отстранённых фраз. Но я для тех, кто понимает, почему в Гуле Моря иногда гаснут слова и не долетают: теряются по пути, а иногда созвучны колоколу...

Гул моря... Гармония хаоса... По крыльям замерзающих волн, по этому высоко взлетевшему ледяному туннелю, кажется, мы пытаемся протянуть радугу из детского лета... Такой радужный лед, не таящий и жаркий...

...Несколько дней она не могла оторваться от писем. Танча и Лидусик не приставали с расспросами. Они лишь понимающе переглядывались, занимаясь своим созданием сайта.

В какой-то день от Гула Моря ничего не пришло. И она просто не находила себе места, зовя его своими письмами в облака.

Письмо 25

16 марта 2001 г.

Здравствуй!

Все меньше писем... Все меньше вылетает бабочек из конвертов... Наверное, ты сидишь сейчас на ночной даче и подносишь к губам лунное мороженое. Ананасовое... Так называется оно... Оно — мороженое в Луне...

...Бутоны тишины под твоей ладонью... Они совсем рядом... Прижались к узорчатым рейкам веранды... Они не спешат раскрываться, эти бутоны тишины. В них еще только зреет твоя неслышная музыка. Но стоит раскрыться тугим лепесткам, и эта музыка из дальних уголков твоей души разольется по лунным полянам. Цветы попросятся в ладонь, когда музыка раскроется в море...

Дворец из морской раковины замечает пространство ночи. Плеск в траве... Это Морина доч-

ка пришла посмотреть на ананасовое мороженое в Луне... Остановилась у твоего порога наивной лужицей и молчит...

— Где твоя глубина? — спрашиваешь ты у ночной гостьи.

Лужица вздрагивает:

— Не смотри, что я маленькая. Во мне! Во мне живет настоящая, морская, мамина глубина...

— А как я узнаю, что ты глубокая?

— Утони!..

...И таким незаметным стало Море. То ли у замка на небесах что-то оборвалось... То ли пустыня времени...

— Зачем так много бабочек в твоём конверте?..

Открываю... Розовые. Перламутровые. Лимонницы и махаоны... Да, понимаю. Это чтобы мне не было видно туч... Просто ночная метель из бабочек... Из улетевших крыльев...

— Ты не знаешь, как давно была жизнь?.. А не знаешь, где она спряталась? Где отстала от меня по дороге? В какую ложбинку закатилась янтаринкой?..

Дворец из раковины сияет. Там, внутри, живет маленькая Тень... Она — это Я... Кусочек обратной стороны света... В жемчужине — твое молчанье.

Камень ослеп. Но это было вчера...

Какая-то странная остановка забежала впереди меня и перекрыла дорогу к золотым воротцам...

...Но кто-то там, из непройденного сада, из желтого молчанья, из прозрачных улиток на янтарном пне... Кто-то там все еще говорит. Хоть и тихо, но я слышу. Говорит:

— Жду тебя...

...Великаны в Фиалковом море

Гасят раздоры

Между зябликами и китами...

Не знаешь, как происходит запах цветов? Интересно, а как пахнет Луна? Фарфоровая статуэтка наряжается в отраженья свечей... Такие мимолетно меняющиеся наряды всполохов и бликов...

...В царство светильников и свечей

Воровато крадется молчанье

Отлетевшего мотылька...

Крылья медленно складываются
И дрожат отраженьем
На боку фарфоровой статуэтки...
ОТОДВИНЬТЕ ГОРОД!
Я сплю...

...Ведь ты тоже всегда мечтаешь подняться
над молчанием жизни? И тоже не знаешь, из че-
го построить свой город мостов над плывущими
в небе островами?..

...Когда слезы мои превратятся
в хрустальный мост,
Тебе не придется оборачиваться тенью,
Чтобы тайно перебежать в мой сад
На встречу с изумрудной стрекозой
и огненной бабочкой...
Мы разделим поровну
корону солнца...

Ты умеешь делить Солнце?
До свиданья!

Ну откуда ей было знать, что он уже в доро-
ге. В дороге — к ней!

Представляешь, как по-разному случается
чудо.

В дверях больничной палаты появился па-
рень с дворцовой раковиной в ладонях.

— Алекс! — воскликнула Данка.

— И Гул Моря, — добавил он. — Наконец-то
я нашёл тебя. Здравствуй!

ПОСЛЕСЛОВИЕ

... Со временем все девочки поправились и
выписались из больницы. В той очерёдности,
которую предсказывала Лидусик. О том, как в
дальнейшем они, помогая друг другу, боро-
лись за свою жизнь, не пренебрегая помощью
друзей из виртуального пространства, будет
написано в следующей книге — «Ночлежка
для сказочницы».

Живая книга в Интернете «Чистота небес»
существует до сих пор. Её можно найти на сай-
те verlin.narod.ru.

До сих пор существует и рассылка «Пись-
ма в облака незнакомому любимому челове-
ку». Когда кому-то становится одиноко и
грустно, он пишет в эту рассылку с надеж-
дой на поддержку и понимание. Можешь
проверить сам, если пошлешь письмо по
электронке на e-mail:

Subscribe.Ru<namma5976338@subscribe.ru>

Вера Петровна ЛИНЬКОВА

окончила факультет журналистики МГУ.
Сотрудничала с периодическими изданиями,
работала на телевидении и радио.

Автор книжек для детей «Царевна Морошка» (1988),
«Съел павлин горячий блин» (1991),

«Алина в царстве Существительном» (1997),

для взрослых — «Видения в городе нищих» (1991), «Бабочка в часах» (1993) и др.

В 2002 г. выпустила книгу «Архипелаг бездомных»,
по которой снят документально-художественный фильм.

С 2007 г. издает детскую литературную газету «Соломинка».

За «Письма в облака незнакомому любимому человеку» получила диплом лауреата
на Международном литературном конкурсе имени А. Толстого.
В 2008 г. стала лауреатом Открытого конкурса С. Михалкова
за лучшее художественное произведение для подростков.

